Ф. Лассаль.

О сущности конституціи.

Изданіе „Донская Рѣчь"
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

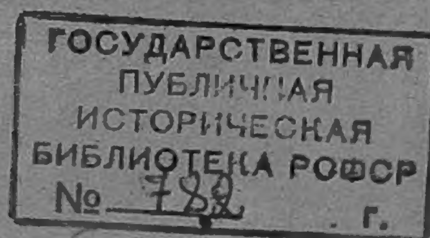

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл: 6
инв: 782
шк: 6.
полка: 11
мѣсто: 50
№ 3359

О сущности конституціи.

Изданіе „Донская Рѣчь"
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 10 Мая 1905 г. Ростовъ на Дону.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. Теръ-Абраміанъ.
1905.

О сущности конституціи.

Господа!

Мнѣ сдѣлано предложеніе прочесть передъ этимъ почтеннымъ собраніемъ докладъ, и темою для послѣдняго я выбралъ предметъ, который самъ за себя говоритъ, такъ какъ является вполнѣ современнымъ. Именно, я буду говорить о *сущности конституціи.*

Предупреждаю, господа, что мой докладъ будетъ носить строго научный характеръ. Несмотря на это или, вѣрнѣе, благодаря именно этому, каждый изъ васъ будетъ въ состояніи прослушать его отъ начала до конца и вполнѣ понять изложенный въ немъ предметъ. Ибо истинная научность, господа,—объ этомъ всегда полезно напоминать—состоитъ не въ чемъ либо другомъ, какъ въ той ясности мысли, которая, не дѣлая никакихъ предположеній, шагъ за шагомъ выводитъ все сама изъ себя, и которая именно благодаря этому властно овладѣваетъ умомъ каждаго внимательнаго слушателя. Поэтому, эта ясность мысли не требуетъ отъ своихъ слушателей какихъ-либо предвзятыхъ убѣжденій. Напротивъ, такъ какъ она, какъ было уже замѣчено, состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ именно въ отсутствіи предвзятыхъ мыслей и выводитъ все изъ са-

мой себя, то она и не терпитъ никакихъ предположеній. Она не требуетъ ничего другого, какъ только того, чтобы слушатели не приносили съ собою *никакихъ* предположеній того или другого рода, *никакихъ* твердыхъ предубѣжденій, а разсматривали предметъ, какъ бы часто они уже ни думали и ни разсуждали о немъ, совершенно сызнова: какъ будто они не знали еще о немъ ничего опредѣленнаго или, по крайней мѣрѣ, на время изслѣдованія, отрѣшались отъ всего того, что привыкли думать о немъ.

Итакъ, я начинаю свою рѣчь вопросомъ, что такое конституція? Въ чемъ заключается сущность конституціи?

Каждый изъ насъ, господа, говоритъ въ настоящее время съ утра до вечера о конституціи. Въ каждой газетѣ, въ каждомъ обществѣ, въ каждой гостиницѣ только и рѣчи, что о конституціи. И все же, ставя серьезно вопросъ, какова сущность, каково понятіе конституціи, я опасаюсь, что изъ всѣхъ, говорящихъ объ этомъ предметѣ, очень немногіе въ состояніи были бы дать удовлетворительный отвѣтъ. Многіе почувствовали бы себя вынужденными обратиться по этому вопросу къ тому Собранія прусскихъ законовъ 1850 г. и извлечь оттуда прусскую конституцію.

Но вы сейчасъ же усмотрите, что это не есть отвѣтъ на мой вопросъ, такъ какъ то, что вы увидите тамъ, заключаетъ въ себѣ лишь *особое содержаніе* извѣстной, именно прусской конституціи, и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, какова сущность, понятіе конституціи вообще.

Если я поставлю этотъ вопросъ юристу, онъ дастъ мнѣ приблизительно такой отвѣтъ: „Конституція—есть клятвенно заключенный между королемъ и народомъ

договоръ, который устанавливаетъ основныя положенія законодательства и управленія страной“.

Или, можетъ быть, онъ скажетъ еще проще, такъ какъ вѣдь существуютъ также и республиканскія конституціи: „Конституція—это провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающій въ народѣ организацію*) публичнаго *права*“**).

Но всѣ эти и тому подобныя формальныя юридическія опредѣленія такъ же далеки, какъ и предыдущій отвѣтъ, отъ истиннаго отвѣта на мой вопросъ, такъ какъ всѣ они содержатъ въ себѣ лишь внѣшнее описаніе того, какъ осуществляется конституція и что конституція *творитъ*, а не объясненіе, *что такое* конституція. Они даютъ критеріи, признаки, по которымъ можно узнать конституцію съ внѣшней и юридической стороны, но они совершенно ничего не говорятъ намъ, въ чемъ состоитъ понятіе, сущность конституціи. Поэтому они оставляютъ насъ также въ полнѣйшемъ невѣдѣніи того, будетъ-ли данная конституція и при какихъ именно обстоятельств. хороша или плоха, возможна или невозможна, продолжительна или кратковременна. Все это могло бы явствовать лишь изъ самаго *понятія* конституціи. Необходимо понять сначала сущность конституціи вообще; тогда только мы могли бы рѣшить соотвѣтствуетъ ли ей *данная* конституція и какъ она къ ней относится. Насчетъ этого, однако же, и оставляютъ насъ

*) Организація—устройство, способъ устройства.

**) Публичное право—собственно совокупность правоположеній, опредѣляющихъ государственное устройство, дѣйствія государства и отношеніе его къ отдѣльнымъ лицамъ. Публичныя права—это правомочія, вытекающія изъ принадлежности даннаго лица къ опредѣленному государству или обусловливаемыя отношеніями, возникающими между отдѣльными лицами, въ силу принадлежности ихъ къ государству. Таковы, напр., права человѣка и гражданина, право участія въ законодательствѣ и т. п.

въ полнѣйшемъ невѣденіи тѣ юридическія, внѣшнія опредѣленія, которыя одинаково можно приложить къ любому клочку бумаги, подписаному народомъ или народомъ и его королемъ, и провозглашенному конституціей,—безразлично, каковы свойства и качества ея содержанія. Одно лишь понятіе конституціи—въ этомъ вы сами убѣдитесь, какъ только мы доберемся до этого понятія—является источникомъ всего конституціоннаго искусства и мудрости, которыя шутя и какъ бы сами собою вытекаютъ изъ него.

Итакъ, повторяю свой вопросъ: что такое конституція, какова сущность, понятіе конституціи?

Такъ какъ мы этого еще не знаемъ—сперва мы должны сообща попытаться отыскать отвѣтъ,—то мы прибѣгнемъ къ методу, который вообще всегда хорошо примѣнять, когда дѣло идетъ о желаніи получить ясное представленіе о какомъ-либо предметѣ.

Этотъ методъ весьма простъ, господа. Онъ состоитъ въ томъ, что предметъ, о которомъ хотятъ составить себѣ представленіе, сравниваютъ съ другимъ, однороднымъ предметомъ и стараются яснѣе и рѣзче представить себѣ разницу, все же существующую между ними.

Такимъ образомъ, примѣняя въ данномъ случаѣ этотъ методъ, я спрашиваю: чѣмъ различаются между собою *конституція* и *законъ*? И конституція, и законъ, повидимому, по существу однородны. Конституція должна имѣть силу закона; слѣдовательно, она должна быть *также* закономъ, но она не должна быть только закономъ, она должна быть еще болѣе, нежели законъ. Вотъ въ чемъ заключается различіе. Что такое различіе существуетъ, что конституція должна быть не *только* закономъ, но еще болѣе чѣмъ законъ, доказываютъ сотни фактовъ.

Такъ, напр., вы, господа, не находите дурнымъ, когда появляются новые законы. Напротивъ, вы знаете, что сама необходимость заставляетъ издавать почти ежегодно то или другое число новыхъ законовъ.

А между тѣмъ *ни одинъ* новый законъ не можетъ быть изданъ безъ того, чтобы онъ не внесъ измѣненія въ старыя законныя отношенія. Ибо, если бы новый законъ не вносилъ никакого измѣненія въ существовавшій дотолѣ законный порядокъ, онъ былъ бы вообще излишеннимъ и вовсе не издавался бы. Такимъ образомъ, вы ничего *не имѣете* противъ измѣненія законовъ, больше того, вы смотрите на это измѣненіе въ общемъ, какъ на нормальную задачу правительственныхъ учре жденій. Но когда прикасаются къ конституціи, вы возмущаетесь и кричите: не смѣть трогать нашей конституціи. Откуда же это различіе? Это различіе такъ неоспоримо, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ даже установлено: конституція *не можетъ быть* измѣняема; въ другихъ полагается, что она можетъ быть измѣняема лишь двумя третями голосовъ законодательнаго собранія, вмѣсто обыкновеннаго большинства; въ третьихъ, наконецъ, говорится: законодательная власть, даже сообща съ прочими правительственными органами, не имѣетъ права предпринять измѣненія въ конституціи, а можетъ лишь предлагать ихъ; для производства же измѣненій должно быть специально ad hoc (для этой цѣли) избрано новое народное собраніе.

Всѣ эти факты говорятъ за то, что, по общему всѣмъ народамъ чувству, конституція должна быть еще священнѣе, устойчивѣе и неизмѣннѣе, нежели обыкновенный законъ.

И я снова ставлю вопросъ: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ такъ: конституція не есть просто законъ, какъ всякій другой, она есть *основной законъ* страны. И весьма возможно, господа, что въ этомъ отвѣтѣ скрывается въ неясной формѣ истина. Но въ такой неясной формѣ отвѣтъ этотъ ни къ чему не служитъ и тотчасъ же возникаетъ новый вопросъ: какая разница между закономъ и основнымъ закономъ? И, такимъ образомъ, мы нисколько не подвинулись впередъ. Мы добыли лишь новое названіе—основной законъ, которое намъ также ничего не поможетъ, пока мы не знаемъ, какая разница существуетъ между основнымъ закономъ и другимъ закономъ. Попробуемъ, не приблизимся ли мы къ дѣлу, если разберемъ, какія представленія заключаются въ названіи „основной законъ", другими словами, чѣмъ долженъ отличаться *основной законъ* отъ *другого* закона, чтобы оправдать свое названіе основного закона.

Основной законъ долженъ быть:

1) закономъ *болѣе глубокимъ*, нежели другой обыкновенный законъ, на что указываетъ названіе основной; но онъ долженъ также,

2) какъ основной законъ, быть именно основаніемъ для другихъ законовъ, т. е. основной законъ долженъ быть постоянно творцомъ другихъ, обыкновенныхъ законовъ, чтобы составлять ихъ основаніе. Слѣдовательно, основной законъ долженъ всегда воздѣйствовать на всѣ другіе обыкновенные законы.

3) Но то, что имѣетъ основаніе, не можетъ произвольно быть *тѣмъ* или *инымъ*, но должно быть именно таковымъ, каково есть. Быть инымъ не допускаетъ его основаніе. Только неосновавное и потому случайное можетъ быть таковымъ, какимъ есть, а так-

же и инымъ. Но все, имѣющее основаніе, необходимо есть таково, каково есть. Планеты*), напр., имѣютъ опредѣленное движеніе. Движеніе это или имѣетъ основаніе, опредѣляющее его, или не имѣетъ.

Если не имѣетъ, то это движеніе случайное и можетъ каждый моментъ быть другимъ. Но если оно имѣетъ основаніе, т. е., какъ говорятъ натуралисты**), силу притяженія солнца, то этимъ дано уже, что движеніе планетъ опредѣлено и урегулировано основаніемъ, силою притяженія солнца, такимъ образомъ, что не можетъ быть инымъ, чѣмъ оно есть. Слѣдовательно, въ представленіи основанія заключается мысль *дѣятельной необходимости*, дѣйствующей силы, которая необходимо дѣлаетъ основанное ею тѣмъ, чѣмъ оно именно есть.

Такимъ образомъ, если конституція составляетъ основной законъ страны, то она есть нѣчто—а это для насъ первый проблескъ свѣта, господа—что мы должны опредѣлить подробнѣе или, какъ мы пока нашли, есть дѣятельная сила, которая необходимо дѣлаетъ всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, устанавляемыя въ странѣ, тѣмъ, чѣмъ они именно есть, такъ что съ этихъ поръ въ странѣ *не могутъ* издаваться никакіе законы, кромѣ именно *этихъ*.

Но существуетъ ли въ странѣ что нибудь, господа—при этомъ вопросѣ постепенно начинаетъ уже разливаться полный свѣтъ—существуетъ ли въ странѣ что нибудь, какая нибудь опредѣляющая дѣятельная сила, которая дѣйствовала бы на всѣ издаваемые въ странѣ законы такъ, чтобы они до извѣстной степени были необходимо таковы, а не иные, каковы они есть?

*) Планеты—движущіяся небесныя свѣтила, напр., луна и нѣкоторыя звѣзды.

**) Натуралисты—ученые, изучающіе природу и ея явленія.

О, конечно, господа, нѣчто такое существуетъ и это нѣчто есть не что иное, какъ *фактическія**) *отношенія силы*, существующія въ данномъ обществѣ.

Фактическія отношенія силы, существующія въ каждомъ обществѣ,—это та активно**) дѣйствующая сила, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія этого общества такимъ образомъ, что въ существенныхъ чертахъ они не могутъ быть иными, чѣмъ каковы они есть.

Спѣшу пояснить это понятнымъ примѣромъ. Этотъ примѣръ, правда, совершенно невозможенъ въ той формѣ, въ какой я его представляю. Но не говоря уже о томъ, что ниже, можетъ быть, мы увидимъ, какъ возможенъ этотъ примѣръ въ другой формѣ, дѣло вообще не въ томъ, можетъ ли встрѣтиться этотъ примѣръ, а только въ томъ, чтобы на немъ изучить природу вещей, которая обнаружилась бы, если бы онъ встрѣтился.

Вамъ извѣстно, господа, что въ Пруссіи лишь то имѣетъ законную силу, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ придворной типографіи Декера. Самые подлинники законовъ хранятся въ извѣстныхъ государственныхъ архивахъ***); печатные экземпляры—въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ.

Представьте же себѣ случай, что произошелъ страшный пожаръ, въ родѣ, напр., гамбургскаго, и что въ огнѣ погибли всѣ эти государственные архивы, библіотеки, магазины и придворная типографія Декера; предположите далѣе, что по странному стеченію обсто-

*) Фактическій—существующій въ дѣйствительности.
**) Активный—проявляющій себя въ дѣйствіи, дѣйствующій.
***) Архивъ—мѣсто, гдѣ сохраняются дѣловыя бумаги.

ятельствъ то же самое произошло и въ другихъ городахъ монархіи, что сгорѣли также и частныя библіотеки, въ которыхъ находились собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не осталось ни одного закона въ достовѣрной формѣ.

Такимъ образомъ, черезъ это несчастье страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей ничего не оставалось бы, какъ только приняться за составленіе новыхъ. Какъ же вы думаете, господа, можно ли было бы поступить въ этомъ случаѣ совершенно произвольно, можно ли было бы натворить произвольныхъ новыхъ законовъ, какіе кому нравились бы?

Посмотримъ.

Предположимъ, вы сказали бы: законы *погибли*, сочинимъ теперь новые законы и при этомъ уже не предоставимъ монархіи того положенія, которое она занимала до сего времени, или даже не дадимъ ей вовсе никакого положенія. Тогда король просто-на-просто сказалъ бы: пусть законы погибли, но *фактически* мнѣ повинуется армія, идетъ туда, куда я прикажу; фактически коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ по моему приказу пушки, и артиллерія выйдетъ на улицы и, опираясь на эту фактическую власть, я не потерплю, чтобы вы дали мнѣ иное положеніе, а не то, какое я желаю.

Вы видите, господа,—король, которому повинуются войска и пушки—это есть часть конституціи!

Или, предположимъ, вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ; среди этихъ 18 милліоновъ есть незамѣтная горсточка крупныхъ дворянъ—землевладѣльцевъ; мы не понимаемъ, почему такой ничтожной кучкѣ обладать такимъ же вліяніемъ, какъ всѣмъ 18 милліонамъ вмѣстѣ, составляя палату господъ, кото-

рая обсуждаетъ постановленія палаты депутатовъ, избранной всей націей, и отвергаетъ ихъ, какъ скоро они что нибудь стоятъ. Положимъ, вы разсудили бы такъ и сказали: мы *всѣ*—„господа“ и не желаемъ больше особой палаты господъ. Конечно, господа, крупные дворяне-землевладѣльцы не могли бы вывести противъ васъ своихъ крестьянъ! Напротивъ, имъ вѣроятно, стоило бы немало хлопотъ *прежде всего* спастись отъ нихъ. Но крупные дворяне-землевладѣльцы всегда имѣли большое вліяніе на дворъ и на короля и, благодаря этому вліянію, могли бы выслать за себя войска и пушки такъ же легко, какъ если бы сила эта находилась въ ихъ *непосредственномъ* распоряженіи.

Итакъ, вы видите, господа, дворянство, имѣющее вліяніе на дворъ и на короля, есть часть конституціи.

Или предположимъ обратный случай: король и дворянство согласились возстановить средневѣковое цеховое устройство, при томъ не только въ мелкихъ ремеслахъ, какъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ *отчасти*, дѣйствительно, пытались сдѣлать, а въ такихъ размѣрахъ, какъ оно существовало въ средніе вѣка, т. е. во всемъ общественномъ производствѣ, слѣдовательно, и въ крупной фабричной промышленности, и въ машинномъ производствѣ. Вамъ извѣстно, господа, что при средневѣковой цеховой системѣ *крупный* капиталъ совершенно не могъ производить, что собственно крупная фабричная промышленность, машинное производство были тогда совершенно невозможны, такъ какъ въ этой цеховой системѣ существовали, напр., всюду законныя разграниченія различныхъ, хотя бы даже самыхъ близкихъ и сродныхъ другъ другу отраслей труда, и ни одинъ промышленникъ не могъ соединять двѣ

такія отрасли. Штукатурщикъ не могъ замазать щели, кузнецы вели безконечныя тяжбы со слесарями о границахъ своихъ ремеслъ, набойщикъ не могъ нанять красильщика. Кромѣ того при цеховой системѣ было точно опредѣлено закономъ количество производства каждаго промышленника, при чемъ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ промыслѣ каждый мастеръ могъ занимать работой лишь равное, закономъ опредѣленное количество рабочихъ силъ.

Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами, системою машинъ не могло бы дня просуществовать при цеховомъ уложеніи. Ибо это крупное производство требуетъ: 1) соединенія разнообразнѣйшихъ отраслей труда въ рукахъ одного крупнаго капитала; 2) *массоваго* производства и *свободной конкурренціи*, слѣдовательно, *неограниченнаго*, произвольнаго употребленія рабочихъ силъ.

Если бы несмотря на это, захотѣли ввести теперь цеховое устройство, что вышло бы изъ этого?

Гг. Борсигъ, Эгельсъ и т. д., крупные хлопчатобумажные, шелковые и прочіе фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ; даже управленіямъ желѣзныхъ дорогъ пришлось бы сдѣлать то же; торговля и промышленность остановились бы; множество ремесленныхъ мастеровъ, отчасти по необходимости, отчасти добровольно, распустили бы своихъ подмастерьевъ; вся эта громадная масса народа хлынула бы на улицу, требуя хлѣба и работы; за ней стояла бы, воспламеняя ее своимъ вліяніемъ, ободряя своимъ значеніемъ, поддерживая своими деньгами, крупная буржуазія и вспыхнула бы такая борьба, въ которой побѣда ни въ какомъ случаѣ не могла бы остаться за войскомъ.

Итакъ, вы видите, господа—Борсигъ и Эгельсъ, вообще крупные промышленники, суть часть конституціи.

Или представимъ себѣ случай, что правительство захотѣло бы принять одну изъ тѣхъ мѣръ, которыя рѣшительно оскорбляютъ интересъ крупныхъ банкировъ. Правительство сказало бы, напримѣръ: „Королевскій государственный банкъ“ не долженъ служить, какъ служитъ теперь крупнымъ банкирамъ и капиталистамъ, которые и такъ уже располагаютъ всѣми деньгами и всѣмъ кредитомъ и которые теперь одни могутъ учитывать въ банкѣ векселя за своими подписями, т. е. пользоваться кредитомъ; королевскій банкъ не долженъ *еще удешевлять* имъ кредитъ, но долженъ сдѣлать кредитъ доступнымъ бѣднымъ и со среднимъ достаткомъ людямъ; поэтому надо дать королевскому банку такое устройство, чтобъ достигался такой результатъ. Могло ли бы это состояться, господа?

Правда, это не вызвало бы возстанія, но для *нынѣшняго* правительства это все же было бы невозможно.

Ибо, по временамъ, господа, для правительства является надобность *въ такихъ* денежныхъ средствахъ, въ такихъ *массахъ* денежныхъ средствъ, какихъ оно не рѣшается собрать путемъ налоговъ. Въ такихъ случаяхъ оно находитъ исходъ въ поѣданіи будущихъ средствъ, т. е. заключаетъ займы и выдаетъ за нихъ государственныя бумаги. Для этого ему нужны банкиры. Правда, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ снова переходитъ въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ рантьеровъ (капиталистовъ). Но для этого необходимо время, часто много времени. Правительству же нужны деньги сей-

часъ и *разомъ* или въ немногіе сроки; для этого ему необходимы другія лица, посредники, которые дали бы ему всю сумму и взяли бы на себя постепенный сбытъ государственныхъ бумагъ, полученныхъ ими за это, публикѣ, притомъ съ барышемъ для себя на повышеніе курса, которое искусственно придается этимъ бумагамъ на биржѣ. Этими посредниками являются крупные банкиры и, поэтому, правительство *не можетъ* теперь ссориться съ ними.

Итакъ, вы видите, господа, что банкиры Мендельсонъ, Шикле, вообще биржа—часть конституціи.

Или возьмемъ такой случай: положимъ, правительство захотѣло бы издать уголовный законъ, въ родѣ китайскаго, чтобы за воровство, совершенное сыномъ, наказывался отецъ. Такой законъ не пошелъ бы въ ходъ, потому что противъ него сильно возстало бы общее развитіе, общее сознаніе. Всѣ государственные чиновники, даже тайные совѣтники всплеснули бы руками, и сами члены палаты господъ нашли бы это невозможнымъ. Слѣдовательно, вы видите, господа, *въ извѣстныхъ предѣлахъ* и общее развитіе и общее сознаніе есть тоже часть конституціи. Или, положимъ, правительство рѣшилось бы удовлетворить дворянство, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ, но зато лишить политической свободы мелкую буржуазію и рабочихъ. Прошло ли бы это, господа?

О, конечно, на время это удалось бы; мы уже видѣли, что это удается, и ниже у насъ будетъ еще случай взглянуть на это.

Но, теперь предположимъ такой случай: вздумали бы лишить мелкую буржуазію и рабочихъ не только *политической, но также и личной свободы*, т. е. объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными или

зависимыми отъ землевладѣльцевъ, какъ это было во многихъ странахъ въ отдаленныя времена среднихъ вѣковъ. Удалось ли бы это, господа?

Нѣтъ, и еслибы на это соединились король, дворянство и вся крупная буржуазія—все же это не удалось бы. Вы сказали бы въ такомъ случаѣ: пусть лучше насъ убьютъ, а этого мы не потерпимъ. Рабочіе и безъ закрытія Борсигомъ и Эгельсомъ фабрикъ вышли бы на улицу, вся мелкая буржуазія пошла бы имъ на помощь, и такъ какъ ваше соединенное сопротивленіе побороть было бы очень трудно, то вы видите, господа, что въ извѣстныхъ *самыхъ-крайнихъ* случаяхъ и вы всѣ—часть конституціи

Итакъ, господа, теперь мы видимъ, что такое конституція страны, а именно: существующія въ странѣ фактическія *отношенія силы.*

Что же такое то, что обыкновенно называютъ конституціей? Что такое *правовая* конституція? Теперь, господа, вы сами видите, что это такое!

Эти фактическія отношенія силы заносятся на бумагу, выражаются письменно, и какъ скоро они записаны, они уже не просто фактическія отношенія силы, они становятся *правами, правовыми* учрежденіями, а кто возстаетъ противъ нихъ—подвергается наказанію!

Точно такъ же теперь вамъ само собою понятно, господа, какъ совершается это записываніе *фактическихъ* отношеній силы, превращающее ихъ въ *правовыя* отношенія. Не пишутъ, конечно: г. Борсигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи и т. д., но выражаютъ это гораздо болѣе просвѣщеннымъ образомъ.

Если хотятъ, напр., установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ должно имѣть въ монархіи столько же и болѣе вла-

сти, нежели всѣ бюргеры, рабочіе и крестьяне, взятые вмѣстѣ, то этого отнюдь не напишутъ въ такой прямой и неприкрытой формѣ, а издадутъ законъ, подобный, напр., жалованному трехклассному избирательному закону 1849 года, которымъ раздѣлятъ всю страну на три класса избирателей по размѣру платимыхъ ими налоговъ, опредѣляемому, конечно, величиной ихъ имущества.

По оффиціальнымъ спискамъ, господа, составленнымъ правительствомъ въ 1849 году по изданіи этого трехкласснаго избирательнаго закона, во всей Пруссіи было:

3,255,600 первоначальныхъ избирателей*), которые раздѣлялись на три класса слѣдующимъ образомъ:

Къ *первому* избирательному классу во всей Пруссіи принадлежало—153,808 избирателей,
ко *второму* . . . . 409,945 „
къ *третьему* . . . . 2,691,950 „

Повторяю, господа, что эти цифры заимствованы изъ оффиціальныхъ списковъ.

Изъ нихъ вы усмотрите, что 153,808 очень богатыхъ людей имѣютъ въ Пруссіи столько же политической власти, сколько 2,691,950 бюргеровъ, крестьянъ и рабочихъ; далѣе, что эти 153.808 очень богатыхъ и 409,945 умѣренно богатыхъ людей, составляющихъ второй классъ избирателей, имѣютъ ровно *вдвое* политической власти, нежели весь остальной родъ, такъ

*) Въ Пруссіи „первоначальные избиратели“, т. е. всѣ имѣющіе право голосовать, выбирать представителя въ палату депутатовъ, выбираютъ депутата не непосредственно, а сперва избираютъ особыхъ уполномоченныхъ—„выборщиковъ“, которые уже въ свою очередь избираютъ депутата. Всѣ первоначальные избиратели въ каждомъ избирательномъ округѣ дѣлятся на 3 класса по величинѣ платимаго налога, и каждый классъ выбираетъ по равному числу уполномоченныхъ выборщиковъ.

что 153,808 очень богатыхъ и половина 409,945 избирателей второго класса имѣютъ уже больше политической власти, нежели другая половина умѣренно богатыхъ второго класса и 2,691,950 третьяго класса, взятые вмѣстѣ.

Изъ этого вы видите, господа, что такимъ способомъ въ результатѣ получается то же самое, какъ если бы грубо написать въ конституціи: богатый долженъ имѣть въ 17 разъ больше политической власти, нежели другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона у насъ существовало учрежденное закономъ 8 апрѣля 1848 г. *общее* избирательное право, которое признавало за каждымъ гражданиномъ, все равно, богатъ ли онъ или бѣденъ, *одинаковое* избирательное право и, стало быть, *одинаковую* политическую власть, одинаковое право на участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Въ этомъ вы видите, господа, подтвержденіе сказаннаго мною выше, что, къ сожалѣнію, очень легко отнять у васъ, бюргеровъ и работниковъ, вашу *политическую свободу*, если только не посягать прямо и радикально на ваши *личныя* блага, тѣло и собственность. Ибо тогда вы безъ труда допустили отнять у васъ избирательное право, и до сихъ поръ мнѣ ничего неизвѣстно о какой-либо агитаціи для возвращенія этого права.

Далѣе, если хотятъ установить въ конституціи, чтобы небольшое число дворянъ-землевладѣльцевъ обладало такою же властью, какъ всѣ богатые, зажиточные и неимущіе, какъ избиратели всѣхъ трехъ классовъ, какъ вся нація вмѣстѣ, то этого опять таки не выразятъ напрямикъ, непросвѣщеннымъ образомъ,

ибо замѣтьте, господа, разъ навсегда—все ясное—грубо и непросвѣщенно; въ конституціи напишутъ: изъ представителей древняго и упроченнаго землевладѣнія съ нѣкоторыми несущественными дополненіями учреждается палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющихъ всю націю.

Такимъ образомъ, кучкѣ старинныхъ землевладѣльцевъ дается политическая власть, которая перевѣшиваетъ *единогласную* волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Далѣе, если хотятъ, чтобы король одинъ имѣлъ столько же и даже *гораздо больше* политической власти, нежели всѣ три избирательныхъ класса, нежели вся нація даже съ прибавленіемъ дворянъ-землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ: въ 47 статьѣ конституціи пишется: „Король назначаетъ на всѣ мѣста въ арміи", а къ статьѣ 108 прибавляется: «армія конституціи *не присягаетъ*». А рядомъ съ этой статьей выставляется теорія, которая находитъ въ ней дѣйствительно принципіальное обоснованіе, именно теорія, что король занимаетъ въ отношеніи арміи *совершенно иное* положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденій, что по отношенію къ арміи онъ является не только *королемъ*, но и еще чѣмъ-то другимъ, совершенно особеннымъ, таинственнымъ и неизвѣстнымъ, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово „Kriegsherr" („военный государь") и что вслѣдствіе этого палатѣ депутатовъ или націи никакого нѣтъ дѣла до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея дѣла и организацію, а только выдавать на нее деньги. И надо сознаться, господа,—правда прежде всего—что эта теорія во всякомъ случаѣ имѣетъ извѣстное основаніе

въ статьѣ 108 конституціи. Ибо, если конституція опредѣляетъ, что армія не должна присягать конституціи, какъ обязаны всѣ государствен. служащіе и самъ король, то этимъ конституція признаетъ въ принципѣ, что армія стоитъ *внѣ конституціи* и *ничего общаго съ ней не имѣетъ*, что она относится единственно и исключительно къ *особѣ короля*, а не къ *странѣ*.

Коль скоро установлено, что король назначаетъ на всѣ должности въ арміи, и что армія занимаетъ по отношенію къ нему особое положеніе, коль скоро это установлено, королю одному дано не только столько же, а вдесятеро больше политической власти, чѣмъ сколько имѣетъ вся страна вмѣстѣ взятая, даже въ томъ случаѣ, если бы въ дѣйствительности настоящая власть страны въ десять, въ двадцать, въ пятьдесятъ разъ превышала власть арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Политическое средство власти короля—армія—*организовано;* постоянно *въ сборѣ*, отлично дисциплинировано и ежеминутно на-готовѣ къ дѣйствію; напротивъ, сила, заключающаяся въ націи, хотя въ дѣйствительности несравненно большая, неорганизована; воля націи и особенно степень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда можетъ быть легко узнана ея членами; поэтому никто не знаетъ навѣрно, сколько у него можетъ быть сторонниковъ. Къ тому же у націи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ мы уже говорили,—*пушекъ*. Правда, онѣ пріобрѣтаются на деньги гражданъ; правда, онѣ изготовляются и усовершенствуются при помощи наукъ, развиваемыхъ гражданскимъ обществомъ,—физики, техники и др. Уже самое суще-

ствованіе ихъ доказываетъ, слѣдовательно, какъ велика сила гражданскаго общества, какъ велики успѣхи наукъ, техники, отраслей фабрикаціи и труда всякаго рода. Но здѣсь примѣнимъ стихъ Виргилія: sic vos non vobis! Ты дѣлаешь это, но не для себя! Такъ какъ пушки изготовляются всегда только для организованной силы, то страна знаетъ, что при столкновеніи эти дѣтища, эти свидѣтели ея силы, будутъ противъ нея. Вотъ почему меньшая, но организованная сила, часто долгое время можетъ пересиливать даже значительно большую, но неорганизованную силу націи, пока, наконецъ, при продолжительномъ завѣдываніи и управленіи національными дѣлами въ смыслѣ противномъ волѣ и интересамъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство.

Мы узнали теперь, господа, какъ обстоитъ дѣло съ обѣими конституціями страны, съ ея *дѣйствительной* конституціей, реальными фактическими отношеніями силы, существующими въ обществѣ, и съ ея *писанной* конституціей, которую въ отличіе отъ первой можемъ назвать хотя бы *листомъ бумаги.*

Дѣйствительное уложеніе, *дѣйствительную* конституцію имѣла каждая страна во всякое время, какъ это вамъ сейчасъ само собою будетъ ясно, и нѣтъ предубѣжденія болѣе ложнаго, ведущаго къ болѣе вздорнымъ заключеніямъ, какъ общераспространенное, господствующее мнѣніе, будто уложенія или конституціи составляютъ особенность новѣйшаго времени. Болѣе того, какъ всякое тѣло необходимо имѣетъ хорошее или дурное устройство, такъ и каждая страна необходимо имѣетъ реальное уложеніе или конституцію. Ибо въ каждой

странѣ должны же существовать *какія нибудь* фактическія отношенія силы!

Когда во Франціи, задолго до великой французской революціи, подъ абсолютной легитимной*) монархіей, Людовикъ XVI декретомъ**) отъ 3 февраля 1776 года отмѣнилъ дорожную повинность, въ силу которой крестьяне обязаны были безвозмездно проводить и чинить дороги, и взамѣнъ этого ввелъ для покрытія дорожныхъ расходовъ налогъ, падавшій и на земли *дворянства*, французскій парламентъ возразилъ: Le peuple de France est taillable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer, т. е. французскій народъ, именно *непривилегированный*, низшій народъ, можетъ быть облагаемъ податями и повинностями по произволу; это часть *конституціи*, которую король не можетъ измѣнить.

Вы видите, господа, что и тогда, какъ теперь, говорили о конституціи и даже о такой, которую король не можетъ измѣнить. Правда, то, чему здѣсь придается значеніе конституціи, именно, что низшій народъ по произволу можетъ быть облагаемъ податями и повинностями, не было тогда записано въ особой грамотѣ, въ которую были бы внесены всѣ права страны и всѣ важнѣйшіе правительственные принципы,—это было просто выраженіемъ *фактическихъ отношеній силы* въ средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка низшій народъ былъ, дѣйствительно, настолько безсиленъ, что его можно было произвольно облагать податями и повинностями; съ этимъ фактическимъ отношеніемъ

*) Легитимный,—собственно законный. Названіе, которое сторонники французскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, бывшихъ до революціи 1789 г., присваивали обычно, въ отличіе отъ новыхъ порядковъ, „незаконныхъ", созданныхъ великой революціей.

**) Декретъ—указъ.

силы всегда и согласовались, *народъ всегда былъ* такъ обремененъ. Этотъ *фактическій ходъ дѣлъ* давалъ такъ называемые *прецеденты**), которые играютъ такую громадную роль въ конституціонныхъ вопросахъ въ средніе вѣка, а въ Англіи и до сего времени. При этомъ фактическомъ обремененіи часто и *высказывался* фактъ, что можно обременять народъ такимъ образомъ; впрочемъ, иначе и быть не могло. Высказанный такимъ образомъ фактъ становился *государственно-правовымъ принципомъ*, на который потомъ и ссылались въ соотвѣтствен. случаяхъ. Нерѣдко также какое либо особенное обстоятельство, коренившееся въ фактическихъ отношеніяхъ силы, получало и *особенное* выраженіе и признаніе на пергаментѣ**). Это давало такъ называемыя franchises, вольности, права, привилегіи, статуты сословій, промысловъ, городовъ и т. д. Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, franchises, статуты, привилегіи, составляли въ совокупности конституцію страны и всѣ вмѣстѣ взятыя были собственно нечѣмъ инымъ, какъ простымъ наивнымъ выраженіемъ реальныхъ отношеній силы, существующихъ въ странѣ. Слѣдовательно, *дѣйствительное* уложеніе или конституцію имѣли всѣ страны во всѣ времена. Что же собственно *свойственно* новѣйшему времени—чрезвычайно важно не упускать этого изъ вида—то это не *дѣйствительныя*, а *писанныя* конституціи или листы бумаги.

Дѣйствительно, въ новѣйшее время мы видимъ почти во всѣхъ государствахъ стремленіе къ изданію

*) Прецедентъ—прежде бывшій сходный случай.

**) Пергаментъ—особымъ образомъ обработанная кожа, на которой до изобрѣтенія бумаги писали, особенно же такія государственной важности заявленія и бумаги, которыя должны были долго сохраняться: напр., жалованныя грамоты и т. п.

писаннаго уложенія, которое должно заключать и утверждать въ *одной* грамотѣ, на одномъ листѣ бумаги всѣ учрежденія и правительственные принципы страны.

Откуда же такое исключительное стремленіе новѣйшаго времени?

Это опять очень важный вопросъ и, только отвѣтивъ на него, можно узнать, какъ надо взяться за устройство конституціи, какъ слѣдуетъ думать о составленныхъ уже конституціяхъ и какъ относиться къ нимъ; короче говоря, только этотъ отвѣтъ можетъ научить всему конституціонному искусству и всей конституціонной мудрости.

Итакъ, я спрашиваю: откуда же исключительное стремленіе новѣйшаго времени къ установленію писанныхъ конституцій?

Ну, господа, въ чемъ же *можетъ* заключаться причина этого стремленія?

Очевидно, лишь въ томъ, что въ *дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы*, существующихъ въ странахъ съ такимъ стремленіемъ, *произошла перемѣна*. Не произойди никакой перемѣны въ фактическихъ отношеніяхъ силы существующаго общества, останься эти отношенія прежними, было бы невозможно и немыслимо, чтобы это общество почувствовало потребность къ *новому уложенію*. Оно осталось бы при старомъ или, самое большее, собрало бы въ одной грамотѣ разсѣянныя части своего уложенія.

Какъ же происходитъ эта перемѣна въ отношеніяхъ силы общества?

Представьте себѣ, напр., въ средніе вѣка государство съ рѣдкимъ населеніемъ, каковы тогда были всѣ государства, съ королемъ во главѣ и съ дворянствомъ,

которому принадлежитъ большая часть земли. Вслѣдствіе малочисленности населенія лишь самая незначительная часть его можетъ находиться въ распоряженіи промышленности и торговли; большинство же населенія нужно еще для обработки земли, для производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ земля по большей части находится въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ работу у послѣдняго, къ которому состоитъ въразличныхъ отношеніяхъ, частью какъ вассалы*), крѣпостные, наслѣдственные фермеры**) и т. п.; но всѣ эти разнообразныя отношенія сходятся въ одномъ—въ зависимости населенія отъ дворянства и въ его обязанности служить дворянству вассалами и сражаться за него въ войнахъ. На излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, получаемыхъ дворянствомъ отъ своихъ помѣстій, оно содержитъ въ своихъ замкахъ рейтаровъ***) и тѣлохранителей, вообще солдатъ.

Противъ этой силы дворянства король съ своей стороны не имѣетъ въ сущности никакой другой реальной силы, кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые добровольно—принудить ихъ трудно—откликнутся на его призывъ, да ничтожной, нестоющей даже упоминанія помощи немногихъ и крайне слабо населенныхъ городовъ.

Какова же по вашему мнѣнію, господа, будетъ конституція такого государства?

---

*) Вассалъ—въ средніе вѣка такъ называли лицъ, которыя обязывались какому-нибудь властному человѣку отбывать извѣстныя повинности, получая взамѣнъ защиту отъ нападеній.

**) Фермеръ.—Фермерское хозяйство то же, что хуторское, заимочное хозяйство. Фермеры въ Зап. Европѣ были, по большей части, арендаторами участковъ у крупныхъ землевладѣльцевъ.

***) Рейтары—конная стража.

Это необходимо зависитъ отъ дѣйствительныхъ отношеній силы этой страны, которыя мы только что разсматривали.

Конституція будетъ сословная, дворянство будетъ первымъ и во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ классомъ. Король безъ его согласія не въ правѣ будетъ назначать ни одного гроша налога; отношеніе его къ дворянству будетъ не больше, какъ primis inter pares, т. е. какъ первый между равными.

Именно такою, господа, была конституція Пруссіи и большинства другихъ государствъ въ средніе вѣка.

Но теперь представьте себѣ такой случай: населеніе растетъ все болѣе и болѣе, промышленность и ремесла начинаютъ процвѣтать и даютъ необходимыя средства существованія для новаго возрастанія населенія, которое начинаетъ наполнять города. Капиталъ и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ гильдій. Что же произойдетъ?

Возрастаніе городского населенія, независящаго отъ дворянства, интересы котораго даже противоположны его интересамъ, прежде всего на руку *королю*; возрастаніе населенія увеличиваетъ число способныхъ носить оружіе, которыми располагаетъ король; съ помощью субсидій отъ горожанъ и промысловъ, которые сильно терпятъ отъ постоянныхъ дворянскихъ усобицъ, и въ интересахъ торговли и промышленности должны желать гражданскаго спокойствія и безопасности и правильнаго правосудія въ странѣ, а потому охотно поддерживаютъ короля деньгами и людьми, король можетъ, въ случаѣ надобности, набрать достаточную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства. Тогда короли начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянства, отнимать отъ него право вести вой-

ны, будутъ разрушать его замки, если оно нарушаетъ законы страны; наконецъ, съ теченіемъ времени промышленность настолько разовьетъ денежное богатство и населеніе страны, что дастъ королю возможность образовать *постоянную армію*; тогда король двинетъ свои полки на собраніе чиновъ, какъ великій курфюрстъ, или какъ Фридрихъ Вильгельмъ I со словами: je stabilirai Souveränitat, wie einen rocher de bronze*), уничтожитъ податную свободу дворянства и право его утверждать налоги.

Вы видите, господа, какъ тутъ съ измѣненіемъ *дѣйствительныхъ* отношеній силы наступаетъ измѣненіе и въ конституціи; возникаетъ *абсолютная* монархія.

Королю вовсе не надо *писать* новую конституцію; для этого королевство слишкомъ практическая вещь. У короля въ рукахъ реальное фактическое средство власти — готовое войско, которое составляетъ *дѣйствительную конституцію* этого общества, и съ теченіемъ времени король и его приверженцы сами высказываютъ это, называя страну „*военнымъ государствомъ*".

Дворянство далеко не въ состояніи болѣе соперничать съ королемъ и давно должно было отказаться отъ содержанія собственной военной силы. Оно забыло свое прежнее противодѣйствіе королю, забыло, что было равнымъ ему; оно переѣхало большею частью изъ своихъ замковъ въ резиденцію, получая тамъ жалованье и усиливая блескъ и значеніе монарха.

Но промышленность и ремесла развиваются все болѣе и болѣе: съ ихъ развитіемъ населеніе все возрас-

---

*) Смѣсь *французскаго* съ нѣмецкимъ: *я укрѣплю* самодержавіе, какъ *бронзовую скалу*.

таетъ и возрастаетъ. Повидимому этотъ прогрессъ*) попрежнему служитъ только на пользу короля, который имѣетъ возможность вслѣдствіе этого постоянно увеличивать свою армію и, такимъ образомъ, *достигаетъ всемірнаго значенія.*

Но развитіе гражданскаго общества принимаетъ, наконецъ, такіе громадные, такіе гигантскіе размѣры, что король даже съ помощью арміи не можетъ въ равной прогрессіи *принимать участіе* въ этомъ возрастаніи силы гражданъ. Нѣсколько цифръ вполнѣ пояснятъ вамъ это, господа.

Въ 1657 году въ Берлинѣ было 20,000 жителей. Приблизительно въ то же время, передъ смертью великаго курфюрста, армія насчитывала 24—30,000 человѣкъ.

Въ 1803 году въ Берлинѣ было уже 153,070 жителей.

Въ 1819 году, т. е. шестнадцать лѣтъ спустя, число жителей въ Берлинѣ достигло 192,646. Въ этомъ году армія простиралась до 137,639 человѣкъ; въ то же время, какъ вамъ извѣстно, по закону сентября 1814 года, который теперь хотятъ отнять отъ насъ, ландверъ не причислялся къ арміи.

Какъ видите, постоянная армія была тогда вчетверо больше, чѣмъ при великомъ курфюрстѣ, а число жителей въ Берлинѣ увеличилось въ 9 разъ.

Но *теперь начинается* еще болѣе значительное развитіе.

Въ 1846 году населеніе Берлина—всѣ цифры взяты изъ оффиціальныхъ списковъ—дошло до 389,308 жителей, т. е. почти до 400,000; слѣдовательно, увеличилось съ 1819 года вдвое. Въ теченіе 27 лѣтъ оно *боль-*

---

*) Прогрессъ—поступательное движеніе впередъ. Обычно употребляется въ смыслѣ развитія всей совокупности умственнаго и матеріальнаго развитія человѣческихъ силъ.

ше, чѣмъ удвоилось, а теперь, какъ вамъ извѣстно простирается до 550,000 жителей. Постоянная же армія въ 1846 году насчитывала лишь 138,810 человѣкъ, противъ 137,639 въ 1819 году. Стало быть, армія почти не увеличилась, не принимая вовсе участія въ громадномъ развитіи гражданства.

При такомъ гигантскомъ развитіи гражданственности, послѣдняя начинаетъ *сознавать* себя самостоятельною политическою силою. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ населенія идетъ еще болѣе грандіозное развитіе общественнаго богатства; точно также сильно развиваются и науки, и общее образованіе, и общественное сознаніе, что, какъ это мы сейчасъ только видѣли, составляетъ также часть конституціи. Граждане начинаютъ теперь разсуждать: мы не хотимъ больше быть безвольно управляемой массой: мы хотимъ сами владычествовать, и король долженъ управлять нами и вести наши дѣла лишь по нашему желанію. Короче говоря, господа, реальныя фактическія отношенія силы, существовавшія въ странѣ, опять *измѣнились*. Или, другими словами, въ такомъ обществѣ наступило 18 марта 1848 г.!

Вы видите, господа, что здѣсь въ дѣйствительности произошло именно то, что въ началѣ нашего изслѣдованія мы предположили невозможнымъ примѣромъ. Мы предположили тогда случай, что общество лишилось своихъ законовъ отъ пожара. На самомъ дѣлѣ они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

Послѣ побѣдоноснаго переворота въ обществѣ частное право продолжаетъ существовать неприкосновеннымъ, но всѣ законы *публичнаго права* ниспровергаются или сохраняютъ лишь временное значеніе, и надо составлять новые.

Такимъ образомъ, наступаетъ необходимость составить новую писанную конституцію, и вотъ король самъ сзываетъ въ Берлинѣ національное собраніе, чтобы *постановить*, какъ сперва говорили, новую писанную конституцію или, какъ говорили потомъ, чтобы *сговориться* съ нимъ насчетъ нея.

Какія же условія нужны, чтобы *писанная* конституція была *хороша* и *прочна*? Очевидно, какъ это вытекаетъ изъ всего нашего изслѣдованія, для этого нужно одно условіе, а именно, чтобы писанная конституція соотвѣтствовала *дѣйствительной* конституціи, реальнымъ *отношеніямъ силы, существующимъ* въ странѣ. Разъ писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, происходитъ столкновеніе, котораго *нельзя предупредить*; и при которомъ писанная конституція, листокъ бумаги, безусловно побѣждается дѣйствительною конституціею, фактически существующими въ странѣ отношеніями силы.

Что же тогда слѣдовало сдѣлать?

Слѣдовало прежде всего сдѣлать не *писанную*, а *дѣйствительную* конституцію, т. е. измѣнить въ *пользу гражданъ* существовавшія въ странѣ реальныя отношенія силы.

Хотя 18 марта показало, что во всякомъ случаѣ, сила націи уже теперь значительнѣе силы существующей арміи. Послѣ продолжительнаго и кроваваго боя войска были принуждены отступить.

Но я уже ранѣе обратилъ ваше вниманіе на военную разницу между силой націи и силой арміи, которая имѣетъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что сила арміи, хотя въ сущности меньшая, оказывается, однако, *съ теченіемъ времени* дѣйствительнѣе превосходящей ее размѣрами силы націи.

Разница эта, какъ вы помните, состоитъ въ томъ, что сила націи *неорганизована*, а сила арміи *организована*, ежедневно готова возобновить бой и потому съ теченіемъ времени должна оказаться болѣе дѣйствительною и должна удержать поле битвы за собою противъ большей, но неорганизованной силы націи, которая собирается въ массу лишь въ рѣдкіе моменты сильнаго возбужденія.

Слѣдовательно, чтобы побѣда 18 марта не осталась *необходимо* безплодной для народа, надо было воспользоваться моментомъ побѣды для преобразованія организованной силы арміи такъ, чтобы она не могла *болѣе* служить королю средствомъ *противъ націи*.

Надо было, напр., ограничить службу солдата шестью мѣсяцами срока, какъ это признается первѣйшими военными авторитетами, вполнѣ достаточнымъ для полученія военнаго образованія, а съ другой стороны слишкомъ краткимъ, чтобы привить солдату особый духъ касты*), что требуетъ постояннаго обновленія арміи изъ среды народа, и этимъ войско короля превращается въ народное войско.

Далѣе слѣдовало установить, чтобы всѣ офицеры, по крайней мѣрѣ, до маіора включительно, избирались самими войсками. Слѣдовало также постановить, чтобы всѣ проступки служащихъ въ арміи, кромѣ спеціально-военныхъ, подлежали обыкновенному гражданскому суду. Затѣмъ, всѣ пушки слѣдовало отдать на храненіе городскимъ властямъ, за исключеніемъ небольшого числа, необходимаго для военныхъ упражненій.

*) Каста—такъ называются въ Индіи группы, на которыя дѣлился народъ, и которыя были чрезвычайно замкнуты и стремились охранить себя не только отъ смѣшенія, но и отъ соприкосновенія съ такими-же группами

Ничего этого, господа, *не было сдѣлано* весною и лѣтомъ 1848 года, и можно ли послѣ этого удивляться, что въ ноябрѣ мартовскій переворотъ остался безплоднымъ? Конечно, нельзя, и это было необходимымъ слѣдствіемъ того, что въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы не было произведено никакой перемѣны.

Королю, господа, служатъ лучше, чѣмъ вамъ! Слуги королей не краснобаи, это люди *практическіе*. Господинъ фонъ-Мантейфель былъ плохой ораторъ, но это былъ человѣкъ практическій! Разогнавъ въ ноябрѣ 1848 года національное собраніе, съ чего прежде всего началъ онъ? Съ составленія реакціонной конституціи? Нѣтъ, Боже сохрани, для этого у него оставалось время! Въ декабрѣ 1848 года онъ даже самъ далъ вамъ довольно либеральную писанную конституцію. Съ чего же началъ онъ въ ноябрѣ? Что было его первой мѣрой? Вы, конечно, помните: онъ началъ съ обезоруженія гражданъ. Видите, господа, первымъ дѣломъ побѣдителя должно быть обезоруженіе побѣжденнаго, если онъ не хочетъ, чтобы борьба ежеминутно возобновлялась.

Въ началѣ нашего изысканія, господа, мы шли къ дѣлу очень медленно потому, что прежде всего мы искали понятія конституціи. Быть можетъ, нѣкоторымъ наше изслѣдованіе показалось даже слишкомъ медленнымъ. Но зато вы уже давно сами замѣтили, что какъ только мы нашли это понятіе, передъ нами одинъ за другимъ раскрылись соотвѣтствующіе выводы, и теперь мы знаемъ этотъ предметъ лучше, яснѣе и глубже, чѣмъ другіе; мало того, мы пришли собственно къ выводамъ, большею частью совершенно противоположнымъ тѣмъ взглядамъ, которые господствуютъ въ об-

щественномъ мнѣніи. Разсмотримъ бѣгло еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я только что указалъ, что въ 1848 году не было принято ни одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя были необходимы для измѣненія существовавшихъ въ странѣ *фактическихъ* отношеній силы, для превращенія войска короля въ народное войско.

Собственно говоря, было сдѣлано одно предложеніе, клонившееся къ этой цѣли и представлявшее первый шагъ въ этомъ направленіи, это предложеніе Штейна принудить министерство издать приказъ по арміи, который заставилъ бы выйти изъ нея всѣхъ офицеровъ-реакціонеровъ. Но вы помните, господа, что, какъ только національное собраніе въ Берлинѣ приняло это предложеніе, вся буржуазія и половина страны закричали: національное собраніе должно заняться конституціей, а не вступать въ дрязги съ министерствомъ; оно не должно тратить время на *интерпелляціи**) и вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти — Дѣлайте конституцію, только конституцію! кричали тогда, словно былъ пожаръ!

Вы видите, господа, что вся буржуазія, половина страны, кричавшая это, *ровно ничего* не понимала о сущности конституціи. Сочинить *писанную* конституцію было самымъ маловажнымъ дѣломъ, которое, въ случаѣ надобности, можно было бы сдѣлать въ трое сутокъ; это было послѣднее, о чемъ слѣдовало думать, сдѣланное же преждевременно оно было *безполезнѣйшимъ* дѣломъ. *Преобразовать дѣйствительныя фактическія* отношенія силы въ странѣ, *вмѣшаться въ испол-*

*) Интерпелляція—запросъ, который дѣлаютъ депутаты въ законодательномъ собраніи правительству по поводу его дѣйствій уже совершившихся или предполагаемыхъ.

нительную власть, такъ вмѣшаться и такъ фактически преобразовать ее, чтобы она уже никогда больше не могла самостоятельно противостоять волѣ націи, вотъ въ чемъ тогда заключалось дѣло, вотъ что надо было сдѣлать, чтобы писанная конституція была прочна. Такъ какъ это случилось *слишкомъ рано*, то національному собранію не дали даже времени написать конституцію, его прогнали при помощи несломанныхъ орудій силы исполнительной власти.

Второй выводъ. Представьте себѣ, что національное собраніе тогда *не прогнали бы*, что ему дѣйствительно удалось бы выработать и постановить конституцію.

Измѣнило ли бы *это* хоть *сколько нибудь* существенно теченіе дѣлъ?

Ничего подобнаго, и доказательствомъ этого являются самые факты.

Хотя національное собраніе и было прогнано, тѣмъ не менѣе король, по оставленнымъ собраніемъ бумагамъ, самъ составилъ и провозгласилъ 5 декабря 1848 г. конституцію, въ большей части пунктовъ совершенно соотвѣтствующую той конституціи, какой мы могли ожидать отъ національнаго собранія. Такимъ образомъ эта конституція была *не навязана* королю, а провозглашена имъ самимъ, добровольно дана имъ въ качествѣ побѣдителя. Казалось бы, эта конституція тѣмъ болѣе могла разсчитывать на прочность!

Нѣтъ, господа! Совершенно невозможно! Если у васъ въ саду растетъ яблоня, и вы повѣсите на ней ярлыкъ съ надписью: это есть фиговое дерево, сдѣлается ли отъ этого яблоня фиговымъ деревомъ? *Нѣтъ*, и если бы всѣ ваши домочадцы, если бы даже всѣ жители вашего околотка собрались и громогласно и

торжественно поклялись: это есть фиговое дерево, то дерево всетаки осталось бы, чѣмъ было, и на будущій годъ это обнаружится, когда на немъ выростутъ яблоки, а не фиги.

То же самое мы видѣли и по отношенію къ конституціи. Все равно, что ни написать на *листѣ бумаги*, если написанное не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей, фактическимъ отношеніямъ силы.

Король самъ сдѣлалъ на листѣ бумаги 5 декабря 1848 г. много уступокъ, которыя всѣ противорѣчили *дѣйствительной* конституціи, именно реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, которую король неослабно удержалъ въ своихъ рукахъ. Поэтому, съ такою же необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія, *дѣйствительная* конституція должна была шагъ за шагомъ пробиться черезъ *писанную*. Такъ, хотя конституція 5 декабря 1848 года была принята ревизіоннымъ собраніемъ, король долженъ былъ сдѣлать въ ней первое измѣненіе,—жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 года. Съ помощью палатъ, порожденныхъ этимъ избирательнымъ закономъ, были предприняты дальнѣйшія *существеннѣйшія* измѣненія въ конституціи, пока въ 1850 году король не присягнулъ послѣдней, но какъ только *присягнулъ*, то и начались *настоящія измѣненія*! Съ 1850 года *не проходило года* безъ такихъ измѣненій. *Любое знамя*, побывавшее въ сотнѣ сраженіяхъ, меньше ободрано и продырявлено, нежели наша конституція.

Третій выводъ. Вамъ извѣстно, господа, что въ нашемъ городѣ существуетъ партія, органомъ которой является „Народная Газета“ („Die Volkszeitung“),—партія, цѣпляющаяся съ лихорадочнымъ страхомъ за эти лохмотья знамени, за эту продырявленную конституцію,

называющая себя поэтому „преданными конституціи“ и избравшая боевымъ кличемъ: „Давайте держаться за конституцію, ради Бога конституцію, караулъ, спасите, погибаемъ“!

Господа, *коль скоро* вы видите партію, — все равно гдѣ и когда, которая издаетъ на подобіе боевого клича трепетный вопль „держаться за конституцію“! что заключите вы изъ этого? Я спрашиваю васъ, господа, не о *намѣреніяхъ*, не о *желаніяхъ* вашихъ; я спрашиваю только о вашихъ *мысляхъ*: какое заключеніе сдѣлаете вы изъ этого явленія? Вы, господа, не будучи пророками съ полною увѣренностью скажете въ этомъ случаѣ: эта конституція находится при послѣднемъ издыханіи, она все равно, что трупъ, еще нѣсколько лѣтъ, и она перестанетъ существовать.

Причины просты. Если писанная конституція соотвѣтствуетъ фактическимъ отношеніямъ силы, существующимъ въ странѣ, подобныхъ воплей раздаваться не можетъ. Такой конституціи никто не коснется и не осмѣлится подступать къ ней. Никому въ голову не придетъ ввязаться съ ней въ борьбу; иначе тому пришлось бы плохо. Тамъ, гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, подобное явленіе невозможно, — невозможна партія, которая взяла бы себѣ особымъ боевымъ кличемъ „держаться за конституцію“. Разъ подобный кличъ раздается, онъ служитъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ, что онъ вопль страха; другими словами, что въ писанной конституціи есть еще нѣчто, *противорѣчащее дѣйствительной* конституціи, фактическимъ отношеніямъ силы. А гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, тамъ писанная конституція погибла неизбѣжно, и никакіе вопли не спасутъ ее!

Она можетъ измѣниться въ двѣ противоположныя стороны, вправо и влѣво, но *уцѣлѣть* не можетъ. Это доказываетъ всякому здравомыслящему человѣку самый вопль о сохраненіи конституціи. Она можетъ измѣниться вправо, когда измѣненіе предприметъ правительство съ цѣлью согласовать писанную конституцію съ фактическими отношеніями организованной силы въ обществѣ. Или же выступитъ неорганизованная сила общества и снова докажетъ, что она значительнѣе организованной. Въ такомъ случаѣ конституція опять таки будетъ измѣнена и отмѣнена влѣво, какъ раньше вправо. Но, во всякомъ случаѣ, она погибла.

Если вы, господа, не только запомните и тщательно обдумаете докладъ, который я имѣлъ честь предложить вамъ, но и выведете изъ него всѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ него, то пріобрѣтете все конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость. Конституціонные вопросы, прежде всего вопросы силы, а не *права; дѣйствительная* конституція страны существуетъ лишь въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы, существующихъ въ странѣ; писанныя конституціи тогда только цѣнны и прочны, если онѣ являются истиннымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ существующихъ въ обществѣ отношеній силы,—*вотъ* принципы, которые вамъ надо запомнить. Сегодня я разъяснилъ вамъ эти принципы, освѣтивъ ихъ только со стороны *военной силы*, такъ какъ, во-первыхъ, время не позволило мнѣ коснуться и другихъ сторонъ, а во-вторыхъ, войско является рѣшительнѣйшею и важнѣйшею изъ организованныхъ силъ.

Но, вы сами хорошо понимаете, что то же самое относится и къ организаціи чиновниковъ юстиціи, администраціи и т. д.; это также организованныя сред-

ства силы общества. Если вы, господа, запомните этотъ докладъ, то въ случаѣ, если вы когда нибудь опять получите возможность самимъ дѣлать себѣ конституцію, вы будете знать, какъ дѣйствовать, будете знать, что дѣло дѣлается не исписываніемъ бумаги, а измѣненіемъ фактическихъ отношеній силы.

Также для повседневнаго обихода, вы сами и безъ моего участія, узнаете изъ этого доклада, какою потребностью вызываются новыя военныя реформы, увеличеніе арміи, которое требуетъ отъ васъ правительство, вы сами укажете пальцемъ сокровенный источникъ этого требованія.

Господа! Служители короля--практики, не краснобаи, а практики, какихъ слѣдуетъ пожелать и вамъ.

Что же теперь о сущности конституціи.

(*Рѣчь 2-я—1863 г.*).

Въ моей послѣдней рѣчи я выяснилъ вамъ, господа, сущность конституціи, особенно прусской. Я показалъ вамъ, какъ отличить дѣйствительную отъ писанной только конституціи или листа бумаги; я показалъ вамъ, что дѣйствительная конституція страны заключается всегда лишь въ реальныхъ, фактическихъ отношеніяхъ силы, существующихъ въ данномъ обществѣ; что писанная конституція, разъ она не соотвѣтствуетъ фактическимъ отношеніямъ организованной силы общества, если она, слѣдовательно, есть лишь то, что называется „листомъ бумаги", должна необходимо, непремѣнно и безъ всякаго спасенія погибнуть подъ давленіемъ организованныхъ отношеній силы. Такъ какъ въ такомъ случаѣ, сказалъ я, или правительство предприметъ перемѣну конституціи, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими отношеніями организованной силы общества, или выступитъ неорганизованная сила общества, снова докажетъ свое превосходство надъ организованной и необходимо измѣнитъ отношенія организованной силы общества, т. е. самую сущность конституціи, влѣво, точно такъ, какъ правительство, въ случаѣ своей по-

бѣды, измѣнило бы ее въ той или иной формѣ вправо.

Въ заключеніе своей рѣчи я резюмировалъ послѣднюю слѣдующими словами: „Если вы, господа, не только хорошенько обдумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ вами, но и выведете изъ нея всѣ послѣдствія, которыя она содержитъ, то вы будете обладать полною конституціонною мудростью. Конституціонные вопросы по происхожденію своему не суть вопросы права, а вопросы силы; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ реальныхъ фактическихъ ошеніяхъ силы, существующихъ въ странѣ; писанныя конституціи имѣютъ лишь тогда цѣнность и продолжительность, если онѣ являются точнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній силы, существующихъ въ обществѣ,—это принципы, которые вамъ слѣдуетъ усвоить". Если правда, что полное пониманіе принциповъ, развитыхъ въ этой рѣчи, и выводъ изъ нея всѣхъ послѣдствій, дѣйствительно, даютъ все конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость, то они должны давать также націи указаніе вѣрнаго и единственнаго пути счастливо и побѣдоносно выйти изъ существующаго въ настоящее время въ странѣ конфликта. И, дѣйствительно, сегодня я сдѣлаю вамъ это указаніе. На основаніи теоріи, которую я развилъ передъ вами, я опредѣлю средство, которое необходимо и единственно ведетъ къ побѣдоносному разрѣшенію конфликта, возникшаго между правительствомъ и палатой.

Прежде чѣмъ я перейду къ этому, бросимъ еще разъ взглядъ на то, какъ безусловно вѣрна теорія о сущности конституціи, которую я выставилъ тогда и которая послужитъ основаніемъ для моихъ сегодняш-

нихъ изслѣдованій. Вы знаете, господа, какъ оспаривается каждое политическое положеніе противными политическими партіями!

Въ томъ, что одна партія признаетъ неоспоримо истиннымъ, нѣтъ ничего, что отвергалось-бы другой съ такою же убѣдительностью, какъ совершенно ложное. Иногда можно даже подумать—и слабые, скептическіе умы, дѣйствительно, думаютъ такъ—что истины вовсе нѣтъ, что нѣтъ единаго человѣческаго разума, при видѣ того, съ какимъ презрѣніемъ и ожесточеніемъ, съ какою послѣдовательностью одна партія разсматриваетъ, какъ абсолютно ложное то, что другая партія также рѣшительно считаетъ абсолютно доказаннымъ, аксіомою. Въ этомъ рѣзкомъ диссонансѣ мнѣній, въ этомъ дисгармоническомъ, отвратительномъ концертѣ положеній, взаимно уличающихъ другъ друга во лжи, только наукѣ дано освѣщать по временамъ истину, столь ясную и разительную, что ее не могутъ не признать самыя противоположныя политическія партіи. Такіе случаи представляютъ поэтому всегда истинное торжество науки и могущественнѣйшее доказательство справедливости теоріи. Одинъ изъ такихъ исключительныхъ случаевъ представился теперь относительно теоріи конституціи, которую я развилъ передъ вами въ своей предыдущей рѣчи.

Я принадлежу, господа, какъ вамъ извѣстно, къ партіи чистой и рѣшительной демократіи. Тѣмъ не менѣе, даже столь противоположный моимъ партійнымъ взглядамъ политическій органъ, какъ „Крестовая газета“, не могъ не признать безусловной истины моей теоріи. Въ № 132 (8 іюня 1862 г.) эта газета посвящаетъ ей передовую статью и въ ней называетъ ее на своемъ языкѣ: „рѣчь нашумѣвшаго въ свое время

революціонера-еврея, который съ вѣрнымъ инстинктомъ попалъ въ самую точку, но не высказалъ намъ еще всего, что знаетъ и думаетъ". Послѣднюю ошибку, если это ошибка, я исправлю. Газета можетъ быть увѣрена, что я исполню ея предположеніе и постепенно выскажу въ свое время все, что знаю и думаю. Теперь же я только приму къ свѣдѣнію ея признаніе, что моя теорія конституціи попала въ точку. Но не только „Крестовая газета", но и сами министры вполнѣ признали истинность моей теоріи. Въ засѣданіи палаты депутатовъ 12 сентября 1862 года военный министръ г. фонъ Роонъ объявилъ, что по его взглядамъ на исторію, главное содержаніе исторіи, не только международной, но и внутренней каждаго отдѣльнаго государства, сводится ни къ чему иному, какъ къ борьбѣ за силу и за расширеніе силы между отдѣльными факторами. Вы видите, господа, что это буквально та самая теорія, которую я съ историческими подробностями изложилъ въ своей рѣчи весною прошлаго года и напечаталъ затѣмъ въ видѣ брошюры. Замѣчательно при этомъ, что въ той же рѣчи нѣсколькими строками ниже военный министръ говоритъ, что „въ Берлинѣ, внѣ палаты депутатовъ, существуютъ агитаторы, которые—я цитирую его собственныя слова—обнаруживаютъ письменно и устно, въ печати и въ окружныхъ собраніяхъ, въ высшей степени странныя и, по моему мнѣнію, самыя разрушительныя тенденціи". Такъ какъ, насколько извѣстно, въ здѣшнихъ окружныхъ собраніяхъ кромѣ моей рѣчи не было произнесено ни одной, къ которой могло бы сколько нибудь относиться выраженіе „самыя разрушительныя теоріи", и принимая во вниманіе, что министерская газета „Звѣзда" тогда же не разъ обвиня-

ла мою рѣчь, читанную мною въ трехъ или въ четырехъ собраніяхъ, въ разрушительныхъ стремленіяхъ, то, ставя все это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что военный министръ только что призналъ главную мысль моей рѣчи своимъ собственнымъ историческимъ взглядомъ, я вынужденъ принять на свой счетъ, на счетъ моей рѣчи о сущности конституціи, обвиненіе министра въ разрушительныхъ стремленіяхъ, насколько оно касается окружныхъ собраній.

Во всякомъ случаѣ и я, съ своей стороны, принужденъ назвать очень удивительнымъ и страннымъ, что то самое историческое воззрѣніе, тѣ самыя слова, которыя г. военный министръ считаетъ весьма консервативными, въ моихъ устахъ находитъ разрушительными. Но произошло еще болѣе удивительное и странное. Военный министръ упрекалъ по этому поводу палату за то, что она не выразила порицанія этимъ стремленіямъ, обнаружившимся въ окружныхъ собраніяхъ и печати. Но, во первыхъ, вовсе не дѣло палаты выражать мнѣ порицаніе. Всего же комичнѣе, что военный министръ не замѣчаетъ, что, приглашая палату выразить порицаніе историческому воззрѣнію, которое только что призналъ своимъ собственнымъ, самъ приглашаетъ ее этимъ выразить порицаніе ему самому и его собственному воззрѣнію! Впрочемъ, все это пустяки, за которые пусть военный министръ раздѣлывается съ логикой и которыя нашего вопроса вовсе не касаются; для насъ же важно констатировать фактъ, что военный министръ признаетъ ту же самую теорію о сущности конституціи.

Не менѣе любезенъ былъ и нынѣшній президентъ министровъ г. фонъ Бисмаркъ, который засвидѣтельствовалъ, притомъ отъ имени всего министерства,

справедливость моего историческаго воззрѣнія. Всѣмъ вамъ извѣстно, что утверждать или отвергать государственный бюджетъ есть начертанное въ конституціи неоспоримое и неоспариваемое право палаты. Палата воспользовалась этимъ правомъ. И г. фонъ Бисмаркъ собственно не отрицаетъ, что это ея право. Но въ засѣданіи 7 октября онъ говоритъ буквально: „Такого рода вопросы права разрѣшаются обыкновенно не сопоставленіемъ противоположныхъ теорій, а постепенно государственно-правовой практикой“. Разберите эти слова внимательнѣе, господа, и вы найдете, что здѣсь, правда, въ нѣсколько болѣе сдержанныхъ, стыдливыхъ выраженіяхъ, приличествующихъ министру, развита вся моя теорія. Право палаты г. фонъ Бисмаркъ называетъ болѣе смягченно „вопросомъ права“. Онъ не отрицаетъ,—да и какъ можетъ онъ отрицать!—что этотъ вопросъ права или это право написано на листѣ бумаги или въ конституціи. „Но въ томъ то и дѣло, говоритъ онъ, что оно находится только на листѣ бумаги, въ дѣйствительности же рѣшается государственно-правовой практикой“. Вы видите, что подъ смягченнымъ выраженіемъ „государственно-правовая практика“, т. е. то, что дѣлается въ дѣйствительности въ противоположность пустому праву или теоріи права, здѣсь разумѣется та сила, которую я назвалъ яснѣе реальными фактическими отношеніями силы. Если перевести слова г. фонъ Бисмарка съ министерскаго на простой незамаскированный языкъ, то мы получимъ такое разсужденіе: „пусть листъ бумаги за васъ. Но за меня реальныя фактическія отношенія организованной силы, армія, финансы суды, а вѣдь рѣшаютъ-то дѣло въ послѣдней инстанціи, опредѣляютъ-то государственно-правовую практику именно эти реальныя фактическія отношенія силы“.

Приговоръ этихъ реальныхъ фактическихъ отношеній силы, говоритъ г. фонъ Бисмаркъ депутатамъ, низводитъ ваше право на степень лишь вопроса права, и эти-же отношенія силы служатъ мнѣ порукой, что вопросъ рѣшается не въ пользу вашего лишь теоретическаго, лишь бумажнаго права. Постепенно, говоритъ г. фонъ Бисмаркъ, государственно-правовая практика рѣшитъ этотъ вопросъ права, т. е. это столкновеніе между лишь писаннымъ правомъ и желѣзными отношеніями силы, въ совершенно иномъ смыслѣ. Здѣсь кроется еще другая мысль г. Бисмарка. Вы помните, какъ я объяснялъ въ прошлой рѣчи, что такое конституціонный прецедентъ. Если я имѣю на что нибудь, во-первыхъ, силу, то я имѣю на это, во-вторыхъ и право. Для примѣра я привелъ положеніе средневѣкового французскаго государственнаго права: „народъ можетъ быть по произволу облагаемъ податями и повинностями“. Это положеніе, сказалъ я, было вначалѣ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ выраженіемъ фактическихъ отношеній силы средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка простой народъ былъ, дѣйствительно, такъ безсиленъ, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; согласно этимъ фактическимъ отношеніямъ силы всегда и поступали. Народъ всегда такъ и обременяли. Этотъ фактическій порядокъ давалъ такъ называемые прецеденты, которые въ Англіи до сихъ поръ играютъ важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ. При фактическомъ обремененіи народа, естественно, часто и высказывался фактъ, что можно обременять народъ подобнымъ образомъ. Высказанный фактъ этотъ становился государственнымъ правовымъ принципомъ, на который потомъ ссылались въ подобныхъ случаяхъ. Вы видите

господа, что г. фонъ Бисмаркъ, очевидно, имѣетъ въ виду это самое, утверждая, что дѣло будетъ рѣшено въ совершенно другомъ смыслѣ постепенно государственно-правовой практикой. Если теперь, въ 1862 г., хочетъ сказать г. фонъ Бисмаркъ, у меня есть сила провести это, то въ 1866 году, если я опять захочу увеличить армію противъ воли палаты, если опять захочу сдѣлать расходы, неодобренные палатой, у меня будетъ уже и право на это, такъ какъ тогда я сошлюсь уже на нынѣшній случай, какъ на прецедентъ. И если въ 1870 году мнѣ вздумается снова увеличить армію и дѣлать расходы противъ рѣшенія палаты, я уже буду имѣть совершенно неоспоримое право на это, такъ какъ буду имѣть возможность сослаться уже на два прецедента, на цѣлую государственно-правовую практику. Этотъ пріятный намекъ на то, что онъ не въ послѣдній разъ увеличиваетъ армію и дѣлаетъ расходы противъ воли палаты, что онъ и впредь намѣренъ поступать такимъ образомъ—это утѣшительное обѣщаніе возвысить постепенно до значенія неоспоримой государственно-правовой практики произвольное увеличеніе арміи и расходовъ противъ воли палаты; эта восхитительная перспектива г. фонъ Бисмарка имѣетъ цѣлью укротить палату и страну и утѣшить ихъ въ нарушеніи бумажной конституціи или пустой теоріи права. Конечно, вы, можетъ быть, найдете это довольно страннымъ утѣшеніемъ. Вѣдь это то же самое, какъ еслибы, напр., я васъ билъ и старался при этомъ склонить покорно переносить побои обѣщаніемъ, что и впредь буду отпускать ихъ вамъ щедро и во множествѣ.

Но при всемъ томъ изъ этого разсмотрѣнія словъ г. президента министровъ вы усмотрите, что онъ глубокій и тонкій знатокъ сущности конституціи, что

онъ всецѣло стоитъ на почвѣ моей теоріи, что онъ превосходно знаетъ, что дѣйствительная конституція страны заключается не въ листѣ бумаги, а въ фактическихъ отношеніяхъ силы, что въ дѣйствительности она опредѣляется этими отношеніями, а не бумажнымъ правомъ, ни государственно-правовой практикой, что, наконецъ, онъ отлично понимаетъ, что такое прецедентъ и какъ можно потомъ воспользоваться послѣднимъ. И такъ, господа, я могу обратить ваше вниманіе и особенно вниманіе присутствующихъ здѣсь представителей полицейской власти на то обстоятельство, что я придерживаюсь принциповъ, признанныхъ всѣми высшими властями государства и не допускающихъ никакихъ опроверженій. Вы не должны удивляться, господа, встрѣчая такое ясное пониманіе въ правительственныхъ лицахъ. Я уже въ прошлый разъ обратилъ ваше вниманіе на то, что это люди практическіе, которые, при болѣе или менѣе выработанномъ теоретическомъ сознаніи, обладаютъ вѣрнымъ инстинктомъ сути дѣла. Но не только воззрѣнія правительственныхъ лицъ могу я привести въ подтвержденіе вѣрности моей теоріи, но—что еще важнѣе—и самыя событія, подтверждающія ее самымъ основательнымъ образомъ. Вы помните пророчество, которое я привелъ въ моей весенней рѣчи, какъ третій выводъ изъ моихъ основныхъ положеній. Въ той рѣчи я объяснилъ вамъ, какъ и почему наша нынѣшняя конституція необходимо находится въ агоніи и почему она должна въ ближайшемъ будущемъ непремѣнно подвергнуться измѣненію вправо—правительствомъ, или влѣво—народомъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ долго оставаться нынѣшнею опредѣленною конституціею. Я сказалъ тогда буквально: „наша конституція находится при послѣднемъ изды-

ханіи,—это почти уже трупъ; еще нѣсколько лѣтъ, и она перестанетъ существовать". Я не хотѣлъ слишкомъ пугать васъ и потому сказалъ: „еще нѣсколько лѣтъ". Какъ показываютъ событія, мнѣ слѣдовало бы сказать: „еще нѣсколько мѣсяцевъ, и она перестанетъ существовать".

Самъ президентъ палаты депутатовъ, г. фонъ Грабовъ, засвидѣтельствовалъ теперь въ своей рѣчи при закрытіи палаты, что конституція была „тяжко повреждена". Палата господъ—учрежденіе, составляющее часть этой самой конституціи—нарушила ее, утвердивъ государственный бюджетъ, отвергнутый второю палатою. Еще болѣе тяжко и серьезно нарушеніе, которому подверглась она со стороны самаго правительства. Палата не согласилась на расходъ по преобразованію арміи, а правительство само говоритъ, что продолжаетъ расходовать деньги на этотъ предметъ послѣ постановленія палаты, какъ расходовало до него.

Такимъ образомъ, логика оказалась права, господа! Наша настоящая конституція есть, по крайней мѣрѣ на время и мимолетно, конституція въ дѣйствительности больше несуществующая, и исторія далеко превзошла срокъ, назначенный моимъ пророчествомъ. Слѣдовательно, вы можете вполнѣ довѣрять непоколебимой вѣрности моей конституціонной теоріи. И если бы затѣмъ изъ этой теоріи, подтвержденной всѣми сторонами и самыми событіями, мы могли бы съ логическою послѣдовательностью вывести средство, съ помощью котораго можно было достигнуть побѣды въ настоящемъ конфликтѣ, то онъ далъ бы вамъ бодрость и увѣренность, господа. Ибо тогда вы могли бы быть убѣждены, что это средство, какъ рожденное этою теоріею, точно такъ же безусловно вѣрно, какъ она

сама, и должно безусловно вести къ побѣдѣ. Такое средство вытекаетъ изъ этой теоріи съ очевидностью и оно то и составляетъ предметъ моей настоящей рѣчи.

Поставимъ сначала вопросъ, какъ онъ долженъ быть поставленъ. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ важна прежде всего постановка вопроса, и ошибочный результатъ часто бываетъ слѣдствіемъ именно ложной постановки вопроса. Вопросъ нельзя ставить такъ: какъ сохранить и укрѣпить эту конституцію, т. е. именно эту опредѣленную январскую конституцію 1850 г., во всей ея плоти и крови? Если бы вы, господа, захотѣли поставить вопросъ именно такъ, то ни я, никто другой не былъ бы въ состояніи дать истинное рѣшеніе его,—иное рѣшеніе, кромѣ мнимаго, какъ, никто не въ состояніи гальванизаціей придать трупу иной жизни, кромѣ призрачной. Достаточно будетъ одного примѣра, чтобы каждому изъ васъ стало ясно, что, напр., палата господъ, составляющая также часть конституціи 1850 г. и пользующаяся своимъ положеніемъ, чтобы систематически противиться всѣмъ рѣшеніямъ палаты депутатовъ, не можетъ быть долго сохранена. Но тогда была бы уничтожена внѣшняя конституція въ одной изъ главныхъ основъ ея. Впрочемъ, вопросъ не представляется вамъ такъ. Такъ онъ васъ вовсе не интересуетъ. Какой интересъ можетъ представлять для васъ сохраненіе, напр., § 108: „Армія не присягаетъ конституціи?“ Или чѣмъ заинтерессованы вы въ сохраненіи § 111, уполномочивающаго правительство объявлять въ извѣстныхъ случаяхъ осадное положеніе, прекращать дѣйствіе нѣсколькихъ самыхъ важныхъ статей конституціи и нарушать самыя ненарушимыя права человѣка и гражданина? Или можетъ ли интересовать васъ сохраненіе § 106, которымъ запрещается судьямъ разбирать за-

конность королевскихъ распоряженій, или § 109, который освобождаетъ правительство отъ обязанности испрашивать разрѣшеніе палатъ для собиранія разъ уже установленныхъ налоговъ? Всѣ эти частные примѣры доказываютъ, что и сохраненіе всей конституціи полностью, со всей ея плотью и кровью, также не интересно для васъ, какъ и невозможно. Въ настоящемъ конфликтѣ для васъ интересно только одно: отстоять безусловное, признанное даже въ этой конституціи право народа, утверждать чрезъ своихъ представителей бюджетъ,—право, которое существуетъ на вѣчныя времена и всегда будетъ входить во всѣ будущія конституціи.

Итакъ, вопросъ, какъ онъ представляется вамъ въ настоящемъ своемъ видѣ, гласитъ: какъ отстоять и осуществить право народа отвергать черезъ своихъ представителей расходныя статьи государственнаго бюджета, которыя ему кажутся неправильными? Я опять, какъ и въ прошлый разъ, прибѣгну для рѣшенія этого вопроса къ косвенному методу, т. е. я покажу сперва какія средства не годятся для этой цѣли, какъ бы ни казались они пригодны. Если я не ошибаюсь, многіе, можетъ быть, думаютъ, что палата въ слѣдующую сессію должна прибѣгнуть къ отказу въ налогахъ, чтобы принудить правительство вернуться на законный путь. Однако, какъ ни пріятно звучитъ это средство для уха, на самомъ дѣлѣ оно было бы совершенно ошибочно и не могло бы привести къ цѣли. Прежде всего надо сознаться, что въ виду § 109 нашей конституціи болѣе чѣмъ сомнительно, имѣетъ ли палата право отказывать правительству въ налогахъ уже существующихъ. Но если предположить за ней это право, если предположить даже, что въ нашей конституціи категоричес-

ки признано право ея отмѣнять налоги, средство это всетаки остается непрактичнымъ и безсильнымъ. Отмѣна налоговъ, которая сама по себѣ не есть еще возстаніе, является законнымъ средствомъ, существующимъ въ Англіи и весьма рекомендуемымъ поклонниками англійской конституціи, принуждать правительство къ уступкамъ народной воли въ разныхъ спорныхъ вопросахъ. Одной угрозы отмѣнить налоги со стороны альдерменовъ Сити было достаточно въ дѣлѣ билля реформы 1830 года, чтобы правительство уступило и предприняло пополненіе палаты перовъ, чтобы побѣдить ея сопротивленіе. Такъ какъ это средство пользуется большимъ авторитетомъ въ Англіи, то нечего удивляться, что теперь и у насъ многіе подумываютъ о немъ, какъ уже пытались прибѣгнуть къ нему въ ноябрьскомъ столкновеніи 1848 г. Однако же, предпринятая національнымъ собраніемъ 1848 г., отмѣна налоговъ,—а національное собраніе, какъ учредительное собраніе, безспорно имѣло право сдѣлать это—не привела ни къ малѣйшему дѣйствительному успѣху, и точно такой или еще болѣе жалкій результатъ имѣло бы теперь повтореніе этой мѣры полностью или лишь частью.

Отчего же зависитъ такая разница, господа, что мѣра, столь дѣйствительная въ Англіи, должна остаться столь недѣйствительною у насъ? Это вамъ сейчасъ же станетъ ясно изъ нашей теоріи. Къ тому же вамъ выяснится при этомъ случаѣ одно важное явленіе нашей прошлой исторіи,—исходъ ноябрьскаго столкновенія 1848 г., и выясненіе его предохранитъ васъ отъ ошибокъ въ настоящемъ. Именно, тѣ, кто въ ноябрѣ 1848 г. видѣлъ въ отказѣ въ налогахъ дѣйствительную мѣру, и тѣ, кто въ настоящее время обращаетъ

взоры къ этой мѣрѣ, упускаютъ изъ виду не болѣе не менѣе, какъ анализированное въ нашей теоріи коренное различіе между дѣйствительною и писанною лишь конституціею.

Англія—страна, гдѣ дѣйствительное уложеніе конституціонно, т. е. гдѣ перевѣсъ реальныхъ фактическихъ отношеній даже организованной силы на сторонѣ націи. Въ такой странѣ легко провести отказъ въ налогахъ. Въ такой странѣ правительство не можетъ даже допустить, чтобы мѣра эта была примѣнена, оно принуждено уступить передъ одной угрозой. Кромѣ того, въ такой странѣ отмѣна налоговъ примѣняется не только для отраженія нападенія на существующію конституцію, а напротивъ, какъ было въ 1830 г., съ биллемъ реформы, для торжества благопріятныхъ народу нападенію на конституцію. Это организованное, легальное, мирное средство склонить правительство къ исполненію воли народа. Совершенно другое дѣло у насъ, въ Пруссіи, гдѣ теперь, какъ въ ноябрѣ 1848 г., существуютъ лишь писанныя конституціи или обломки ихъ, а всѣ фактическія средства организованной силы находятся всецѣло въ рукахъ правительства. Чтобы совершенно ясно представить себѣ эту разницу, стоитъ только вообразить себѣ, каковы были бы въ дѣйствительности послѣдствія отмѣны налоговъ въ Англіи и въ Пруссіи. Итакъ, представимъ себѣ случай, что англійская нижняя палата постановила отмѣнить налоги, а правительство продолжало всетаки насильно взимать ихъ. Является ко мнѣ сборщикъ податей и хочетъ взыскать налогъ. Я сопротивляюсь и выталкиваю его за дверь. Меня отдаютъ подъ судъ. Но англійскій судья оправдываетъ меня или даже еще хвалитъ за то, что я не поддался беззаконному насилію. Сборщикъ яв-

ляется снова и уже съ солдатами. Я продолжаю сопротивляться, собравъ своихъ друзей и домашнихъ. Солдаты стрѣляютъ, ранятъ и убиваютъ. Я привлекаю ихъ къ суду, и несмотря на то, что они дѣйствовали по приказанію начальства тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ Англіи это не освобождаетъ виновныхъ въ противозаконіи, солдаты подвергаются смертной казни за убійство. Но предположимъ, что я и мои друзья отвѣчали на стрѣльбу солдатъ и ранили и убили ихъ. Меня предаютъ суду. Но судъ, какъ и раньше, оправдываетъ меня, такъ какъ я сопротивлялся беззаконному насилію. Далѣе, такъ какъ всѣ въ Англіи знаютъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, такъ какъ всѣ шансы побѣды поэтому заранѣе на сторонѣ народа, то всѣ откажутся платить налоги; всѣ это сдѣлаютъ, даже тѣ, кто безучастенъ къ этому вопросу или даже предпочелъ бы заплатить,—они также откажутся, чтобы не заслужить ненависти согражданъ, которые несомнѣнно останутся побѣдителями, чтобы не прослыть скверными гражданами.

Но далѣе. Какое у правительства средство сломить сопротивленіе англійской нижней палаты и народа? Армія? Но въ Англіи со времени билля о правахъ правительство обязано ежегодно просить у парламента разрѣшенія держать войско. Это разрѣшеніе дается ему ежегодно и только на годъ такъ называемымъ mutiny act'омъ, которымъ правительству предоставляется вмѣстѣ съ тѣмъ также лишь на годъ дисциплинарная власть надъ солдатами для наказанія неповиновенія и бунта. Безъ этого акта солдаты состояли бы подъ общими законами страны. Въ томъ же актѣ подробно опредѣляется количество войскъ, которое дозволяется держать правительству, и содержаніе

ихъ. Что же вышло бы, если бы англійское правительство вступило въ борьбу съ нижней палатой? Нижняя палата просто отвергла бы по истеченіи года возобновленіе mutiny act'а, и съ этого момента правительство не могло бы ни держать войско, ни платить ему жалованье, ни подавлять бунтовъ, ни подвергать солдатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, и солдаты могли бы разойтись и разошлись бы. Но этого мало. Я сказалъ вамъ, что въ mutiny act'ѣ ежегодно опредѣляется количество войска, какое предоставляется содержать правительству. Въ послѣдній годъ (1861—62) количество это для Великобританіи и ея колоній, за исключеніемъ Индіи, простиралось до 99 тысячъ. По крайней мѣрѣ половина этого количества нужна для многочисленныхъ колоній Англіи, гдѣ войска особенно необходимы. Слѣдовательно, собственно для Великобританіи съ ея 25 милліонами жителей остается не болѣе 50 тысячъ. Вы понимаете, конечно, что съ такимъ количествомъ войска нельзя отважиться на борьбу съ націей. Но разсмотримъ дальнѣйшія послѣдствія одно за другимъ.

Такъ какъ ясно, что почти всѣ воспротивятся платежу налоговъ; такъ какъ это до безконечности увеличиваетъ шансы народа на побѣду, и безъ того преобладающіе у него; такъ какъ, наконецъ, англійское правительство можетъ держать въ Англіи лишь очень незначительное количество войска, то оно не можетъ разсчитывать даже на своихъ чиновниковъ, даже на тѣ средства власти, которыми оно дѣйствительно обладаетъ. Вы понимаете, господа, что въ подобномъ столкновеніи поведеніе массы чиновниковъ сообразуется главнымъ образомъ съ ихъ мнѣніемъ о томъ, кто изъ двухъ, правительство или народъ, останется побѣдите-

лемъ. Какъ на биржѣ повышеніе и пониженіе опредѣляются, главнымъ образомъ, мнѣніемъ большинства еще при самомъ открытіи биржи о томъ, что восторжествуетъ, повышеніе или пониженіе, такъ и поведеніе чиновниковъ, составляющее значительный элементъ побѣды, зависитъ отъ ихъ мнѣнія, за кѣмъ останется побѣда. Если чиновники полагаютъ, что побѣдитъ правительство, то они будутъ ревностны, непоколебимы, энергичны. Если же они предполагаютъ противное, то становятся нерѣшительными, трусливыми, они протестуютъ, измѣняютъ, перебѣгаютъ. И это вполнѣ естественно. Одинъ не хочетъ рисковать своей головой, другой—своею должностью и жалованьемъ, третій—соціальнымъ уваженіемъ. Такъ какъ положеніе англійскаго народа, въ случаѣ отмѣны налоговъ нижней палатой, было бы заранѣе такъ сильно, что всѣ были бы увѣрены въ его побѣдѣ, то англійскіе чиновники всѣ вкупѣ отпали бы отъ правительства, и президенту министровъ пришлось бы для взысканія налоговъ самому съ нѣсколькими субъектами изъ породы Катилинъ, которымъ нечего терять, стрѣлять изъ пушекъ и хватать людей за шиворотъ. А такъ какъ казусъ произошелъ бы въ Англіи дѣйствительно такъ, то тамъ едва ли дѣло и можетъ дойти до приведенія въ исполненіе отмѣны налоговъ, постановленной нижней палатой. Правительство несомнѣнно уступило бы, и все кончилось бы мирной демонстраціей.

Но представьте себѣ случай, что прусская палата постановила отказать правительству въ налогахъ, имѣя на это такое же безпорное право, какое имѣла въ ноябрѣ 1848 года. Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что правительство, не смотря на такое по-

становленіе, принялось бы настойчиво взимать налоги. Положимъ, я вытолкалъ за двери сборщика податей. Меня отдаютъ подъ судъ, и судья, безъ всякихъ разсужденій и не обращая вниманія на краснорѣчивыя рѣчи, приговариваетъ меня къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за сопротивленіе правительственной власти. Сборщикъ является съ солдатами, которые стрѣляютъ въ меня и въ моихъ друзей, ранятъ и убиваютъ. И никто у насъ не можетъ привлечь этихъ солдатъ и сборщика къ суду: они дѣйствовали по приказу высшаго начальства, что избавляетъ ихъ отъ какой бы то ни было отвѣтственности. Но, положимъ, я тоже стрѣлялъ въ сборщика и въ солдатъ, ранилъ и убилъ нѣсколькихъ. Меня отдаютъ подъ судъ, осуждаютъ и казнятъ. И такъ какъ это непремѣнно будетъ такъ, и такъ какъ, слѣдовательно, всѣ шансы заранѣе противъ лица, неплатящаго налога, то лишь самое незначительное число людей, съ самыми твердыми и вѣрными принципами, отважится отказаться отъ уплаты налоговъ; и опять таки, разъ это такъ, то шансы правительства на побѣду снова еще болѣе возрастаютъ; и такъ какъ и это такъ, такъ какъ правительство у насъ не обязано ежегодно испрашивать разрѣшенія парламента на содержаніе опредѣленнаго количества войскъ и дисциплинарной власти надъ нимъ; такъ какъ, наконецъ, наше правительство обладаетъ арміей не въ 50 тысячъ человѣкъ противъ 25 милліоновъ жителей, какъ въ Англіи, а 140 тысячъ противъ 18 милліоновъ (по новой организаціи арміи даже 200 тысячъ), то громадное большинство чиновниковъ останется вѣрнымъ ему въ этомъ столкновеніи; и, такимъ образомъ, vice versa*) каждое

*) Vice versa—наоборотъ.

изъ этихъ обстоятельствъ обусловливается другими и обусловливаетъ ихъ. Вслѣдствіе всего этого, отмѣна налоговъ можетъ принести намъ лишь судебное преслѣдованіе храбрѣйшихъ гражданъ, какъ въ 1848 г.

Изъ этого вы видите, господа, что отмѣна налоговъ служитъ вѣрнымъ средствомъ лишь въ рукахъ народа, который обладаетъ реальными средствами власти, организованной силы, — народа, который уже занялъ крѣпость; но оно совершенно недѣйствительно въ рукахъ народа, который имѣетъ лишь писанную конституцію и только собирается завладѣть крѣпостью реальныхъ средствъ власти.

Теоретическое непониманіе этого погубило національное собраніе 48 года. Для народа, только еще задумывающаго брать эту крѣпость, отмѣна налоговъ имѣла бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы предназначалась служить для произведенія общаго возстанія. Но при настоящихъ условіяхъ, надѣюсь, господа, никто не помышляетъ о возстаніи. По причинамъ, въ разъясненіе которыхъ позвольте мнѣ не входить, оно совершенно невозможно при настоящемъ положеніи вещей. Иначе обстояло дѣло во время отмѣны налоговъ въ ноябрѣ 1848 года. При существовавшемъ тогда общемъ возбужденіи весьма легко могло бы произойти успѣшное возстаніе и отмѣна налоговъ, постановленная національнымъ собраніемъ, во всякомъ случаѣ имѣло бы полный смыслъ, если бы національное собраніе пошло послѣдовательно далѣе и декретировало бы національное возстаніе. Но этому помѣшало, какъ вамъ извѣстно, изобрѣтеніе г. фонъ-Унру пассивнаго сопротивленія печальной памяти. Теперь же, когда, повторяю, мысль о возстаніи была бы, въ виду настоящаго положенія вещей, совершенно без-

смысленна, и когда такая попытка лишь доставила бы правительству легкую побѣду, всякая мысль объ отмѣнѣ налоговъ была бы въ высшей степени безцѣльна. Слѣдовательно, отмѣну налоговъ надо оставить въ покоѣ; возстаніемъ въ настоящій моментъ также не поможешь. Что же остается? Неужели у насъ нѣтъ никакихъ средствъ?

Нѣтъ, господа! Палата обладаетъ средствомъ непреодолимой силы и дѣятельности,—средствомъ, которое безусловно должно побороть сопротивленіе правительства. Это средство, которое я представлю вамъ сейчасъ въ формулѣ до того простой, что именно, въ виду этой чрезвычайной простоты, она, можетъ быть, покажется вамъ непонятной, состоитъ просто-напросто въ слѣдующемъ: палата должна заявить то, что есть! Чтобы понять, что это значитъ, чтобы проникнуть глубину, скрывающуюся подъ этою простою формулою, мы должны вернуться къ вопросу: Что такое лжеконституціонализмъ и какъ онъ возникаетъ? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть для васъ очень ясенъ изъ моей прошлой рѣчи.

Я показалъ вамъ, господа, что пока землевладѣніе и земледѣльческая промышленность были главными источниками общественнаго богатства и пока эта главная сила находилась фактически въ рукахъ земледѣльческаго дворянства, конституція была сословна, а монархія очень ограничена. Далѣе я показалъ вамъ, подтверждая свои выводы шагъ за шагомъ исторіей, какъ и увеличеніемъ населенія и связаннымъ съ этимъ явленіемъ усиленіемъ промышленнаго, гражданскаго производства, начинается отклоненіе взаимныхъ отношеній силъ въ сторону монархіи, такъ что, когда промышленное, гражданское производство дѣлается глав-

нѣйшимъ источникомъ общественнаго богатства, то наступаетъ абсолютная монархія, а дворянство превращается въ безсильное украшеніе трона. Наконецъ, въ третьихъ, я показалъ вамъ, какъ при дальнѣйшемъ гигантскомъ развитіи промышленности и ремеслъ, при все болѣе и болѣе сильномъ возрастаніи населенія, долженъ, наконецъ, наступить моментъ, когда монархія не въ состояніи была бы даже при помощи регулярныхъ войскъ удержаться въ равновѣсіи съ этимъ усиленіемъ силы гражданства, какъ послѣднее, почувствовавъ себя истиннымъ носителемъ общественной силы, захотѣло и располагать ею по своей волѣ и какъ въ обществѣ, реальныя отношенія силы котораго такъ измѣнились, необходимо наступило 18 марта 1848 года.

Но я показалъ вамъ, господа, въ моей рѣчи и то, какимъ образомъ и почему, при всемъ превосходствѣ общественной силы гражданства и даже при побѣдоносномъ правленіи этой силы 18 марта 1848 года, борьба еще не кончилась и не могла еще кончиться. Именно, я показалъ вамъ, что при всемъ своемъ превосходствѣ общественная сила гражданства неорганизована, тогда какъ сила, которой располагаетъ правительство, гораздо меньшая, организована, слѣдовательно, дисциплинирована и во всякій моментъ готова возобновить бой; такимъ образомъ, я показалъ вамъ, что если гражданство не поторопится воспользоваться минутой своей побѣды, чтобы взять въ свои руки и организованную силу, абсолютизмъ непремѣнно воспользуется благопріятнымъ моментомъ, чтобы побѣдоносно возобновить бой и надолго сдержать силу гражданства, не смотря на превосходство послѣдней. Такъ случилось и у насъ, и всѣ вы помните время этого событія: контръреволюцію ноября 1848 года.

Что же станетъ дѣлать абсолютизмъ, сдѣлавъ такую побѣдоносную контръ-революцію? Абсолютизмъ хочетъ продолжаться. Это правда. Но хочетъ ли онъ продолжаться въ старой формѣ, въ видѣ голаго, открытаго абсолютизма? Разобьетъ ли онъ конституцію и будетъ ли управлять далѣе прежнимъ абсолютнымъ образомъ безъ всякой конституціи? Боже сохрани, онъ не такъ глупъ! Его прежнее пораженіе, у насъ 18 марта, показало ему, что неорганизованная общественная сила гражданства въ сущности значительно превосходитъ его, что, хотя временно, онъ и побѣдилъ ее въ благопріятную минуту дисциплиной организованной силы, но гражданство попрежнему осталось, правда, неорганизованной, однако, всетаки превосходной общественной силой, что, слѣдовательно, ежеминутно можетъ произойти новое столкновеніе, въ которомъ абсолютизмъ будетъ снова побѣжденъ.

Сознавъ превосходство общественной силы гражданства, абсолютизмъ имѣетъ смутное понятіе о томъ, что, какъ человѣкъ можетъ породить лишь человѣка, обезьяна — только обезьяну, вообще всякое существо можетъ произвести только по его образу и подобію созданное существо, такъ неизбѣжна и неорганизованная элементарная сила, господствующая въ обществѣ, производитъ организованную силу — или правительственную форму — по своему образу и подобію.

Обо всемъ этомъ абсолютизмъ имѣетъ болѣе или менѣе смутное понятіе, ибо правительственныя лица, какъ я уже сказалъ вамъ, люди практическіе и обладаютъ инстинктомъ сути дѣла. Это знаетъ еще старая, чрезвычайно вѣрная народная пословица, которая гласитъ: „кому Богъ даетъ должность, тому даетъ и разумъ“.

Дѣйствительно, должность умудряетъ человѣка самымъ положеніемъ, въ которое ставитъ его; она условіями этого положенія надѣляетъ его пониманіемъ такихъ вещей, которыхъ онъ ранѣе, можетъ быть, не понималъ. Это вѣрно и необходимо, хотя болтуны не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о необходимости этого.

Еще старый дипломатъ Талейранъ сказалъ: on peut tout faire avec les bayonnettes excepté s'y asseoir", т. е. „со штыками можно все сдѣлать, только сѣсть на нихъ нельзя". Вы знаете почему, господа. Штыки вонзятся въ сѣдалищное мясо. Въ такой остроумной формѣ Талейранъ хотѣлъ выразить ту мысль, что въ данную минуту со штыками можно все сдѣлать, но нельзя сдѣлать изъ нихъ прочнаго основанія.

Итакъ, какимъ бы неподатливымъ не представлялся абсолютизмъ, онъ не находитъ удовольствія въ существованіи постоянно сомнительномъ, состоящемъ въ вѣчномъ открытомъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силы.

Для него остается единственное средство, чтобы какъ можно дольше продлиться: лжеконституціализмъ. Вы знаете, въ чемъ онъ заключается.

Абсолютизмъ издаетъ конституцію, которая низводитъ право народа и его представителей на ничтожнѣйшій и ничѣмъ дѣйствительно негарантированный минимумъ, и которая заранѣе отнимаетъ у народныхъ представителей частью возможность, частью охоту занять по отношенію къ правительству самостоятельное положеніе. Каждую попытку депутатовъ провести противъ правительства волю народа онъ клеймитъ именемъ парламентскаго режима, какъ будто въ парламентскомъ режимѣ и только въ немъ не заключается въ дѣйствительности сущности всякаго истиннаго консти-

туціоннаго правительства. Наконецъ, онъ представляетъ себѣ, внутри себя, считать несостоявшимся всякое постановленіе народнаго представительства, несогласное съ волей правительства, спокойно сохраняя въ то же время внѣшнюю видимость конституціонныхъ формъ.

Разъ абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ, принялъ форму лжеконституціонализма, онъ достигъ большихъ выгодъ и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе. Если бы онъ хотѣлъ продлить свое существованіе въ своей старой, откровенной формѣ, онъ не могъ уже расчитывать на долгую жизнь. Открытое признанное противорѣчіе между нимъ и общественнымъ строемъ сдѣлало бы его низверженіе насстоятельнымъ, постояннымъ паролемъ всего общества. По самой природѣ вещей все общество необходимо сдѣлалось бы ничѣмъ инымъ, какъ обширнымъ заговоромъ противъ своей правительственной формы. Такого положенія не выдержать долго ни одному правительству. Правительство можетъ въ благопріятную минуту съ успѣхомъ собрать свои войска и предпринять побѣдоносное нападеніе. Но положеніе уже затруднительнѣе, если ему приходится не нападать, а защищаться. Въ этой борьбѣ правительства съ народомъ выгода всегда на сторонѣ нападающаго, потому что ему принадлежитъ выборъ благопріятной для него минуты. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ этомъ столѣтіи почти всегда удавались замыслы правительства противъ народа, какъ по этой же причинѣ имѣли успѣхъ и всѣ почти революціи народа.

Однако правительство можетъ успѣшно отразить нападеніе народа, ожидаемое заранѣе, на извѣстный срокъ, напримѣръ, въ теченіе мѣсяца или нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но это представляетъ для правительства

чрезвычайное затрудненіе, эта необходимость постоянно держаться на военномъ положеніи въ теченіе большихъ періодовъ времени, въ ожиданіи нападенія, которое послѣдуетъ неизвѣстно когда, можетъ быть, въ самую неблагопріятную минуту, въ разгаръ самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ другого рода. Подобнаго положенія правительство не въ состояніи долго выдержать и потому не можетъ и принять его.

Но если, наоборотъ, абсолютное правительство облечется въ пустую внѣшность конституціонныхъ формъ и подъ нею будетъ продолжать прежній абсолютизмъ, то оно можетъ выиграть чрезвычайно много. Такъ какъ здѣсь однородность, повидимому, счастливо достигнутая между формой правленія и господствующимъ въ обществѣ сословіемъ, можетъ усыпить и умиротворить послѣднее. То, что еще должно быть достигнуто, кажется уже достигнутымъ. Это заблужденіе успокаиваетъ, ослабляетъ и притупляетъ борьбу, дѣлаетъ народныя массы частью недовольными, частью безразличными и индеферентными. Съ этихъ поръ къ ниспроверженію правительства стремятся только силы, дѣйствующія въ обществѣ безсознательно, а не собственное сознаніе этого общества.

Слѣдовательно, лжеконституціонализмъ есть,—это очень важно установить, господа,—вовсе не пріобрѣтеніе народа, а, наоборотъ, пріобрѣтеніе абсолютизма, удлиняющее его существованіе. Лжеконституціонализмъ состоитъ, слѣдовательно, какъ вы видите, въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ, что оно объявляетъ государство конституціоннымъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ оно абсолютно.

Палата, сказалъ я, должна заявить то, что есть, и въ этомъ заключается безусловно побѣдоносное сред-

ство ея противъ правительства. Это значитъ, что тотчасъ по собраніи своемъ палата должна издать рѣшеніе, которое я, для большей ясности, формулирую примѣрно такъ. Палата тотчасъ же по собраніи своемъ должна была бы постановить слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что палата отвергла бюджетъ расходовъ на новую организацію арміи; принимая во вниманіе, что правительство, не взирая на это, по собственному сознанію продолжаетъ со дня этого постановленія расходовать на этотъ предметъ попрежнему; принимая во вниманіе, что, пока это продолжается, прусская конституція, воспрещающая дѣлать расходы, неодобренные палатою,—ложь; принимая во вниманіе, что при такихъ обстоятельствахъ, пока продолжается подобное положеніе дѣлъ, со стороны представителей народа было бы недостойно и составляло бы даже прямое соучастіе ихъ въ нарушеніи конституціи помогать правительству сохранять внѣшній видъ конституціоннаго порядка дальнѣйшимъ засѣданіемъ въ палатѣ и принятіемъ участія въ государственныхъ дѣлахъ,—палата постановляетъ прекратить свои засѣданія на неопредѣленное время, а именно до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательства, что не утвержденные расходы не будутъ болѣе производиться“.

Коль скоро палата сдѣлаетъ такое постановленіе, правительство будетъ безусловно побѣждено. Причины очень просты и заключаются въ предыдущемъ. Палата имѣетъ полное право сдѣлать такого рода постановленіе, и ни прокуроръ, ни судъ не могутъ придраться къ ней за это.

Для правительства остается, слѣдовательно, одна лишь альтернатива: или уступить, или не уступить. Если оно не уступитъ, то ему придется рѣшиться пра-

витъ абсолютнымъ правительствомъ безъ палаты. Правда, оно могло бы пустить въ ходъ третью мѣру—распустить палату. Но результатъ этого былъ бы такъ мимолетенъ, что объ этомъ не стоитъ и говорить, такъ какъ новые депутаты были бы, конечно, избраны съ тѣмъ же королемъ, и новая палата тотчасъ постановила бы то же самое рѣшеніе. Правительству остается, слѣдовательно, рѣшиться или уступить, или на вѣчныя времена управлять безъ палаты. Послѣднее оно избрать не можетъ. На это есть тысячи причинъ. Бросьте взглядъ на Европу, господа. Куда вы не взглянете, всюду увидите государства съ конституціонными формами. Самъ Наполеонъ не могъ обойтись безъ конституціонной внѣшности. Онъ далъ себѣ палату депутатовъ. Это всеобщее согласованіе показываетъ вамъ уже, какъ простой фактъ—а моя теорія показала вамъ ясно причину этого факта въ общественныхъ условіяхъ населенія и производства—что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ заключается необходимость, въ силу которой въ нихъ нельзя править безъ конституціонныхъ формъ. Взгляните на Австрію, которая представляетъ разительнѣйшее подтвержденіе моихъ словъ. Послѣ вооруженной контръ-революціи 1849 года, конституція была уничтожена. Не потому, чтобы правительство Австріи было хуже и реакціоннѣе нашего! Вовсе не потому! Австрійское правительство было только наивнѣе, менѣе изощрено, чѣмъ наше. Поэтому, достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы австрійское правительство совершенно добровольно возстановило конституціонную форму, безъ всякаго возстанія, безъ всякаго понужденія со стороны народа. Практика научила австрійское правительство уму-разуму, и оно поняло,

что безъ конституціонной внѣшности, являясь голымъ абсолютнымъ правительствомъ, оно принуждено будетъ вести весьма сомнительное существованіе и очень скоро разлетится въ дребезги.

Посудите же сами, господа, возможно ли, чтобы Пруссія, именно Пруссія, одна во всей Европѣ, Пруссія, при своемъ сильномъ гражданскомъ сословіи, существовала безъ конституціонной формы! Посудите сами, какимъ слабымъ оказалось бы прусское правительство извнѣ, какъ невозможно и невыносимо сдѣлалось бы для него сохранить свое нынѣшнее дипломатическое положеніе, какіе унизительнѣйшіе щелчки приходилось бы ему сносить при каждомъ внѣшнемъ столкновеніи съ другими правительствами, если бы оно открыто стало въ такое постоянное противорѣчіе со своимъ народомъ и поэтому не могло бы болѣе ни передъ кѣмъ скрывать своего внутренняго безсилія. Да не подумаетъ никто изъ васъ, господа, что мысли эти не патріотичны. Во-первыхъ, политикъ, какъ естествоиспытатель, долженъ изслѣдовать все, что существуетъ, и, слѣдовательно, принимать въ соображеніе всѣ вліяющія силы. Антагонизмъ между государствами, ихъ противорѣчіе другъ къ другу, ихъ взаимная зависть, ихъ дипломатическія столкновенія—все это составляетъ вліяющую силу, которую необходимо брать въ соображеніе. Дѣло не въ томъ, хорошо ли все это или дурно, а въ томъ, что это такъ есть. Во-вторыхъ, господа, предаваясь въ тиши своего кабинета историческимъ изслѣдованіямъ, я неоднократно имѣлъ случай уяснить себѣ совершенно точно ту великую истину, что почти невозможно опредѣлить, на какой ступени варварства стояли бы еще мы и, вообще, міръ, если бы взаимная зависть и вражда правительствъ не

представляли собою дѣйствительнаго средства понужденія ихъ къ внутреннему прогрессу! И, наконецъ, господа, вѣдь существованіе нѣмцевъ не настолько сомнительно, чтобы пораженіе ихъ правительствъ представляло дѣйствительную опасность для націи.

Если вы, господа, подробно и съ внутреннимъ пониманіемъ всмотритесь въ исторію, то вы убѣдитесь, что нашъ народъ совершилъ столь громадные и великіе культурные труды, пролагающіе и освѣщающіе путь остальной Европѣ, что въ необходимости и неистребимости нашего національнаго существованія сомнѣваться невозможно. Слѣдовательно, если бы мы были вовлечены въ большую внѣшнюю войну, то, конечно, въ ней могли бы погибнуть наши отдѣльныя правительства—саксонское, прусское, баварское но, какъ фениксъ изъ пепла, возстало бы изъ ихъ развалинъ невредимымъ то, что для насъ важно—германскій народъ!

Перенесите далѣе взоръ, господа, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ на внутреннія отношенія, на финансовое положеніе. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1841 году, въ абсолютномъ государствѣ, прусскій бюджетъ простирался до 55 милліоновъ. Теперь, въ 1863 году, бюджетъ правительства составляетъ не менѣе 144 милліоновъ. Въ какихъ-нибудь 20 съ небольшимъ лѣтъ бюджетъ, бремя налоговъ утроилось. Правительство, вынужденное удовлетворять подобному бюджету, правительство, которое, такимъ образомъ, неотступно стоитъ у кармана каждаго гражданина, должно сохранять по меньшей мѣрѣ видъ, что имѣетъ на это согласіе каждаго. Если для прежнихъ простыхъ, патріархальныхъ, ограниченныхъ отношеній, для бюджета въ 55 милліоновъ, изъ которыхъ притомъ болѣе пятой части

доставлялось доходомъ съ коронныхъ имуществъ, достаточно было патріархальнаго абсолютизма, то бюджетъ въ 144 милліона уже нельзя долго проводить въ Пруссіи простымъ указомъ.

Но прежде всего, господа, взгляните на положенія, выведенныя выше изъ нашей теоріи, изъ которыхъ только что разсмотрѣнныя нами обстоятельства суть лишь частныя реальныя слѣдствія этихъ положеній; вспомните при этомъ, что правительству невозможно вступить въ явное и откровенное противорѣчіе съ общественнымъ порядкомъ. Если бы тѣмъ не менѣе правительство захотѣло сдѣлать это, рѣшилось бы править безъ палаты, то этотъ поступокъ палаты, т. е. заявленіе того, что есть, принудивъ правительство откровенно признать себя абсолютнымъ, убилъ бы иллюзію, сорвалъ бы маску, просвѣтилъ бы несвѣдущихъ, ожесточилъ бы индефферентныхъ къ болѣе тонкимъ различіямъ, увлекъ бы всю буржуазію въ постоянную, непрерывную борьбу противъ правительства, превратилъ бы все общество въ организованный заговоръ, и тогда правительству ничего не оставалось бы дѣлать, какъ только заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ прочесть часъ своей гибели.

Такова сила въ заявленіи того, что есть. Это самое могучее политическое средство! Фихте въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуетъ, что „заявленіе того, что есть“ было любимымъ средствомъ стараго Наполеона и, дѣйствительно, онъ обязанъ ему большею частью своихъ успѣховъ. Всякое великое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Всякая мелочность въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи, въ скрываніи того, что есть.

Въ самомъ дѣлѣ, господа, мнѣ слѣдовало бы

явиться въ этой рѣчи обвинителемъ тяжкихъ политическихъ преступленій, еслибы я не предпочиталъ, насколько это возможно, ради единенія воздержаться отъ этого. Въ послѣдніе годы, съ наступленіемъ новой эры, руководители народной партіи въ печати—хотя я никого не называю по имени, но вы понимаете, конечно, что я подразумѣваю „Народную Газету“—преслѣдовали систему, которая состояла ни въ чемъ иномъ, какъ, именно, въ заявленіи того, чего нѣтъ! Они исходили изъ той точки зрѣнія, что необходимо, дескать, затушевывать, скрывать, прикрывать; надо—разсуждали они—до тѣхъ поръ твердить правительству, что оно конституціонно, пока оно само не повѣритъ этому! Такимъ образомъ, они хотѣли обмануть правительство. Но всякій реальный успѣхъ, какъ въ жизни, такъ и въ исторіи, достигается лишь реальной переработкой и передѣлкой, но никакъ не обманомъ! Эти нищіе духомъ не видѣли, что сами того не сознавая, сдѣлались правительственными агентами, какъ по средству своему, такъ и по дѣйствію этого средства. По средству, потому что это то самое средство, которое, какъ мы видѣли, употребляетъ абсолютизмъ, прикрывающійся лжеконституціонализмомъ,—заявленіе того, чего нѣтъ. По дѣйствію этого средства, потому что эти нищіе духомъ не видѣли, что ложь, изо дня въ день повторяемая въ ихъ газетахъ, будто правительство конституціонно, проповѣдуется передъ народомъ и что это ежедневное повтореніе доставляетъ ей, наконецъ, вѣру въ народѣ. Эти нищіе духомъ не понимали, что своею ложью только ободряли правительство, которое само удивлялось тому кредиту и той репутаціи, тому ореолу „новой эры“, который они нахлобучивали ему на голову, шагъ за шагомъ итти дальше по очищенному ему пути

лжеконституціонализма и дойти въ концѣ концовъ, до требованія военныхъ преобразованій. Эти нищіе духомъ, постоянно кричащіе въ своихъ передовыхъ статьяхъ о безнравственности, не понимали, что ложь— глубоко безправственное средство, которое въ политической борьбѣ дѣйствительно служитъ правительственному макіавеллизму, но ни въ какомъ случаѣ не интересамъ народа. Эти нищіе духомъ должны нести значительную долю отвѣтственности за то, что дѣла приняли практичное направленіе.

Вѣдь это они кричатъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ: „Честные люди! Министры—честные люди! Довѣрьтесь министрамъ!“ и этими криками побудили палату дать свое согласіе на единовременную выдачу денежныхъ суммъ на военныя преобразованія лжеконституціонному министерству Шверина-Патова, тогда какъ въ то время гораздо легче было въ этомъ отказать. Слѣдовательно, ихъ вина, что было затѣяно преобразованіе арміи, такъ какъ безъ единовременной выдачи денежныхъ суммъ, это было бы невозможно, и мы не испытывали бы такого тяжкаго столкновенія. Но миръ прошлому, господа!

Но за то тѣмъ же строже, тѣмъ ревностнѣе должны мы наблюдать въ настоящей тяжелой борьбѣ, чтобы народъ снова не былъ введенъ въ заблужденіе на счетъ своего права путемъ политики утаиванія. Я выяснилъ вамъ средство, которое должно безусловно и непремѣнно доставить народу побѣду. Работайте надъ этимъ. Между депутатами и общественнымъ мнѣніемъ должно быть взаимодѣйствіе. Обратите найденное нами средство въ лозунгъ агитаціи. Распространяйте его, отстаивайте его въ вашихъ знакомыхъ кругахъ, въ публичныхъ мѣстахъ,—всюду, гдѣ только возможно.

Считайте всякаго, несогласнаго съ этимъ лозунгомъ, сознательнымъ или безсознательнымъ врагомъ добраго дѣла. Это единственное средство у палаты. Какое же можетъ быть иное? Очевидно, что было бы самой жалкой и нелѣпой иллюзіей полагать, что палата можетъ побѣдить правительство, продолжая собираться и отвергать другія, хотя бы всѣ требованія министерства. Если правительство попираетъ ногами и считаетъ недѣйствительнымъ, несуществующимъ первый безусловно конституціонный отказъ палаты, то могли ли бы имѣть больше силы второй, третій, четвертый отказы? Напротивъ, правительство только привыкаетъ считать недѣйствительными невыгодныя для него рѣшенія палаты. И не только правительство,—къ этому привыкаетъ и народъ. Пріятная привычка игнорировать рѣшенія палаты укоренится въ народѣ еще сильнѣе, нежели въ правительствѣ и—замѣтьте—съ полнымъ правомъ. Палата, которая согласилась бы продолжать разсуждать и дѣйствовать за одно съ правительствомъ, которая согласилась бы разыгрывать свою роль въ комедіи лжеконституціонализма, послѣ того какъ попраны ея рѣшенія, явилась бы худшимъ сообщникомъ правительства. Этимъ она дала бы ему возможность уничтожить конституціонныя права народа подъ прикрытіемъ видимой внѣшности конституціонныхъ формъ. Но тогда палата была бы преступнѣе самаго правительства, потому что защитникъ правъ, измѣняющій послѣднимъ, гораздо виновнѣе противника ихъ. Еще хуже, если это возможно, было бы, еслибы палата пошла бы въ этомъ вопросѣ на такъ называемый компромиссъ, напр., на двухлѣтній срокъ службы. Противъ этого вы должны особенно громко протестовать, господа. Въ этомъ вопросѣ не можетъ быть никакихъ

компромиссовъ. Еслибы, напримѣръ, правительство предложило компромиссъ двухлѣтняго срока службы и палата приняла его, то всѣ интересы страны были бы преданы и проданы ею ради условія, которое, хотя нелишенное само по себѣ значенія, сравнительно съ важностью всего вопроса совершенно ничтожно. Ибо, если организація арміи будетъ принята, хотя бы съ ограниченіемъ двухлѣтняго срока службы, то у насъ отбираютъ ландверъ,—т. е. все народное ополченіе, которое составляетъ главную силу страны, присоединяя его къ военному резерву и отдавая подъ команду армейскихъ офицеровъ. Мы лишаемся ландвера. При этомъ капитальномъ вопросѣ, сохранитъ или потеряетъ страна свой ландверъ, вопросъ о срокѣ службы, будетъ ли онъ двухъ-или трехлѣтній, совершенно исчезаетъ, какъ и вопросъ о расходахъ.

Но даже и вопросъ о ландверѣ отходитъ на второй планъ. На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ дѣлѣ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекращать расходы, въ которыхъ положено ему отказать? Правительство, не взирая на отказъ палаты, продолжаетъ дѣлать эти расходы, какъ будто никакого постановленія палаты и не существовало. Еслибы при такихъ условіяхъ палата пошла на какой либо компромиссъ, напр., на двухлѣтній срокъ службы, то это явилось бы уже не компромиссомъ, не соглашеніемъ, а прямымъ предательствомъ публичнаго права. Тогда благополучно водворилась бы бисмарковская государственно-правовая практика, которая гласитъ: если правительство находится въ конфликтѣ съ конституціоннымъ правомъ палатъ, то палаты должны уступать. Вотъ что было бы установлено этимъ прецедентомъ. Поэтому считайте каждаго, кто говоритъ о

компромиссѣ, сознательнымъ или безсознательнымъ и въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе опаснымъ врагомъ праваго дѣла.

Во всякомъ случаѣ, господа, наше средство безвредно. Оно ничего не можетъ испортить, потому что каждый изъ васъ пойметъ, что если правительство такъ твердо рѣшилось на абсолютизмъ, что даже послѣ такого заявленія палаты, не уступитъ и будетъ править безъ палатъ, то тѣмъ менѣе можетъ палата принудить его отрѣшиться отъ лжеконституціонализма и согласиться на истинный конституціонализмъ уступчивымъ продолженіемъ веденія съ нимъ дѣлъ. Этимъ палата даетъ ему только средства продолжать комедію лжеконституціонализма.

Итакъ, наше средство во всякомъ случаѣ безвредно для страны. Оно и безопасно для депутатовъ и чтобы рѣшиться на пего необходимы только смыслъ и энергія,—особеннаго мужества тутъ не требуется. Единственная жертва, какая требуется при этомъ отъ депутатовъ,—это въ худшемъ случаѣ отреченіе на время отъ значенія оффиціальнаго положенія.

Наконецъ, какъ я уже сказалъ, средство это необходимо и во всякомъ случаѣ побѣдоносно. Его слѣдуетъ принять именно потому, что при примѣненіи его правительство само отступитъ передъ нимъ.

Возможно также, что оно не уступитъ сейчасъ же и нѣкоторое время будетъ продолжать править безъ палатъ. Но это для васъ еще выгоднѣе, господа. Я говорю, это для васъ еще выгоднѣе, потому что тѣмъ болѣе признаетъ оно превосходство общественной силы гражданства, когда ему придется примиряться съ народомъ и палатой.

Тогда, господа, вы будете имѣть возможность побѣдоносно предписать свои условія. Тогда вы будете имѣть возможность потребовать и осуществить парламентскій порядокъ, безъ котораго можетъ существовать лишь лжеконституціонализмъ.

Цѣна 8 коп.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Электро-печатня А. Теръ-Абраміана.